

Джим Фергюс

ДИКАЯ ДЕВОЧКА:

Записки Неда

Джайлса, 1932

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРЮНОВЫ

Джим Фергюс

Дикая девочка. Записки Неда Джайлса, 1932

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63415613

Дикая девочка: Записки Неда Джайлса, 1932:

ISBN 978-5-907085-92-3

Аннотация

Эта грандиозная кинематографичная сага, вдохновленная событиями, произошедшими в Сьерра-Мадре, описывает американский Запад эпохи Великой депрессии, раскрашивая повествование множеством незабываемых персонажей на фоне удивительных ландшафтов, и раскрывает некоторые суровые истины об американском присутствии на Западе.

Для Неда Джайлса, 17-летнего фотографа-любителя, кошмар мучительных злоключений начинается с того дня, когда он присоединяется к экспедиции, снаряженной с целью отыскать семилетнего сына хозяина ранчо из Бависпе (Сонора), похищенного индейцами-апачами 26 октября 1928 года, когда мальчику было три года. Вооруженные участники экспедиции хотят заставить индейцев сдаться и вернуть ребенка, а в качестве выкупа планируют использовать захваченную охотником юную дикую девушку-апача. Постепенно Нед начинает понимать ее благородство, красоту и силу характера, и между ними

завязываются отношения, которые должны изменить их жизнь, но в конечном итоге обречены. Читатели получают удовольствие от этого искусно созданного рассказа о выживании, самопознании и сомнительных границах между человеком и животным.

Содержание

Пролог	7
La piña bronca	17
Блокнот Неда Джайлса. 1932 год	33
Блокнот I	38
La piña bronca	110
Записки Неда Джайлса, 1932 год	122
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Джим Фергюс

Дикая девочка: Записки

Неда Джайлса, 1932

© 2006 by Jim Fergus

© ИД «Городец», 2021

© А. Голосовская, перевод, 2021

– Я люблю три вещи, – говорю я тогда. – Я люблю тот любовный сон, который я раз видел, люблю тебя и вот этот кусок земли.

– А что ты больше всего любишь?

– Сон.

Кнут Гамсун. Пан

Если способы видения в разных сообществах конфликтуют, потому что являются следствием принципиально разных интерпретаций тех или иных житейских ситуаций, могут ли эти сообщества понять друг друга? Может ли одна культура в присущих ей выражениях сказать что-либо о другой культуре, не впадая во враждебное присваивание, не выражая саму себя или утверждая «инакость» иной? <...> Сможем ли мы когда-нибудь покинуть свои провинциальные островки и плавать между мирами?

Пол Б. Армстронг. Игра и культурные различия

(Kenyon Review 13. Winter 1991)

*До десятилетнего возраста я и не подозревал,
что люди умирают не только насильственной
смертью.*

*Джеймс Кайвакла. Горячие источники апачей (In the
Days of Victorio. Eye Ball)*

Пролог

Осенью 1999 года в Галерее изящных искусств на манхэттенском Сохо¹ проходила маленькая ретроспективная выставка не слишком известного фотографа из Нью-Мексико Неда Джайлса, посвященная временам Депрессии². В то время галерею считали достаточно влиятельной, и поэтому выставка вызвала недолгий всплеск интереса к работам Джайлса. В центральной прессе появилось несколько рецензий, ряд работ по достаточно дорогой цене приобрели влиятельные коллекционеры.

Нед Джайлс никогда не был так популярен, как другие фотографы времен Депрессии, например Доротея Ланж или Уолкер Эванс, чьи жутковатые снимки тех тяжелых времен считаются значимой частью американского культурного контекста. И хотя работы Джайлса с технической и художественной точек зрения немногим им уступали, артистический мир игнорировал их; это пренебрежение во многом объяснялось тем, что большинство ранних работ Джайлса были сняты в индейских резервациях юга страны. Ни этот регион, ни эти сюжеты особо не интересовали американскую публику тех

¹ *Сохо* – с окращение от South of Houston Street (к югу от Хьюстон-стрит) – богемный район на Манхэттене со множеством художественных галерей.

² *Депрессия (Великая депрессия)* – мировой экономический кризис 1929–1931 гг.

лет, а еще меньше – нью-йоркское художественное сообщество, предпочитавшее не замечать плачевное состояние, в котором оказались современные коренные американцы, но зато сполна воздавшее дань сентиментальным и далеким от реальности представлениям об их прошлом. Один из критиков, не сумев сдержаться, даже написал, что фотографиям Неда Джайлса недостает «пышности, романтизма, а иногда и таинственности, присущих фотографиям коренных американцев, выполненным Эдвардом С. Кертисом». А между тем Нед Джайлс начал снимать на добрых десять лет позже, чем Кертис завершил свою монументальную индейскую серию, и никогда не стремился запечатлеть исчезающую жизнь индейцев по той простой причине, что к его времени она уже исчезла.

К 1999 году Неду Джайлсу было слегка за семьдесят, дважды разведенный и не слишком здоровый, он жил на социальное пособие в Альбукерке, штат Нью-Мексико. И хотя обычно принципиально избегал Нью-Йорка, приехать на свою первую персональную выставку согласился, потому что галерея прислала ему бесплатный авиабилет и оплатила гостиницу. К тому же, несмотря на совсем небольшой опыт общения с «артистическим миром», длительная работа фотожурналиста подсказывала ему, что получить свою долю выручки, причем, бог даст, наличными, ему будет легче, находясь, так сказать, на сцене.

Но хотя деньги были очень нужны, тот факт, что его вдруг

согрели лучи славы, не только был глубоко безразличен Неду Джайлсу, но даже слегка раздражал. После окончания Великой депрессии он вел скромную жизнь газетного и журнального фотографа, по случаю выступал как внештатный корреспондент на радио, успев поработать в нескольких городах в разных частях страны. В годы Второй мировой он фронтовым фотокорреспондентом «Ассошиэйтед Пресс» прошел вместе с американскими войсками по всей Франции. Его снимок семейного завтрака в нормандской деревушке – вся семья с веселыми лицами сидит у себя дома за столом, щедро уставленным блюдами с мясом, сырами и бутылками вина, вот только стены дома разрушены бомбой – номинировали на Пулитцеровскую премию. Джайлсу тогда премии не дали, ее получил Роберт Капа.

После войны Джайлс вернулся на Юго-Запад и снова в течение нескольких десятилетий работал в газете. И поскольку он упорно отказывался перебираться в Нью-Йорк, Лос-Анджелес или любой другой крупный город, его постепенно забыли. Теперь же слава его вовсе не интересовала, и он сожалел лишь о том, что денег у него не было и тридцать, и сорок, и пятьдесят лет назад, когда он мог получить от них хоть какое-то удовольствие.

Помимо образцов его ранних работ, сделанных в резервациях, на выставке была представлена серия фотографий диких индейцев-апачей, снятых в начале 1930-х годов в Мексике, в горах Сьерра-Мадре. Их показывали широкой пуб-

лике впервые, да и вообще никто не знал об их существовании, и именно из-за них возник тот самый всплеск интереса к творчеству Джайлса. Среди них была фотография совсем юной индейской девушки, содержавшейся в тюрьме крохотного городка Бависпе, что в мексиканском штате Сонора. Снимок под названием «*La Niña Bronca, 1932*»³ поражал воображение не только ужасом, но и какой-то выбивающей из колеи иронией: девочка, свернувшись в позе зародыша в утробе матери, лежала на полу в мрачной утробе каземата мексиканской тюрьмы; тени от железных потолочных балок полосатой арестантской робой покрывали ее обнаженное тело.

И вот Нед Джайлс на своей первой персональной выставке в нью-йоркской Галерее изящных искусств остановился, разглядывая эту самую фотографию. Сегодня, 24 октября 1999 года, Джайлс, потягивая дрянное белое вино из пластиковой чашки, смотрел на фотографию и вспоминал этот эпизод своей жизни так ярко, словно все случилось вчера. Он помнил, как тем утром, более полувека назад, устанавливал камеру на штатив, как направлял на несчастное создание искусственный свет газового генератора, помнил и саму девчонку, скрюченную, умирающую от голода на каменном полу. Он помнил запах этого места – смесь человеческих нечистот с вонью от газового генератора как будто снова щекотала его ноздри; так случалось всякий раз, когда он

³ *La Niña Bronca* (исп.) – дикая девочка.

рассматривал снимок. Он помнил гудение генератора, которое старался выкинуть из головы, пока работал, – у же тогда, хотя ему исполнилось всего семнадцать, он был спокойным, бесстрастным профессионалом. Он помнил, как навел фокус своего «Дирдорфа 8 × 10», помнил, что использовал цейссовские линзы с фокусным расстоянием 4,5. Он помнил, что снял два кадра, затем изменил наклон штатива, перенастроил фокус, переставил свет и отснял еще три. Помнил, как, закончив работу, шагнул из камеры наружу, помнил, как его переполняли самый непритворный стыд и ощущение, что его жизнь никогда уже не будет прежней.

– Догадываюсь, вы и есть автор фотографии, – доверительно проговорил мужской голос возле его локтя.

Джайлс еще глотнул вина, мечтая только о том, чтобы побыстрее разделаться со всеми этими галерейными делами, всеми этими людьми и вернуться в бар своего отеля, чтобы уже в одиночку как следует выпить. Здоровье вынудило его бросить пить несколько лет назад, однако недавно он пришел к выводу, что ни черта тут нет разницы; он уже старый, и в любом случае жить ему недолго.

– Что же заставляет вас догадываться? – спросил он мужчину.

Мужчина улыбнулся с какой-то фальшивой фамильярностью:

– Ваш костюм самый немодный из всех, что я видел за последние тридцать лет, – шепнул он. – Только художник риск-

нет показаться на людях в таком виде.

Джайлс опустил глаза на свои изрядно помятые и поношенные брюки – от старости они лоснились на коленях. И утвердительно кивнул. Он знал, что выглядит как старый бродяга. И уж точно никогда не думал о себе как о художнике. Даже в юности, а уж тем более в те времена, когда он был социалистом, он предпочитал считать себя рабочим человеком, в лучшем случае – ремесленником.

– Ну да, я не модник, – проговорил он. – Я ношу этот костюм с 1953 года. И, уверяю вас, вовсе не из показного артистизма.

Мужчина назвал свое имя, и Нед вспомнил, что так зовут известного дизайнера мужской и женской одежды. Неудивительно, что он заприметил костюм.

– Занятная работа, – сказал мужчина, вновь повернувшись к фотографии, – разве что чуть темновата. И все же я всерьез думаю купить ее. Не расскажете мне о ней?

Джайлс уловил в словах модного дизайнера рисовку – тот, намереваясь купить фотографию, разыгрывал тонкого ценителя.

– Вообще-то она не продается, – с казал он. Мужчина ему сразу не понравился, а чутье на такие вещи редко подводило Джайлса.

– Ну конечно, продается, – возразил дизайнер, жестом указав на стену. – Не будьте смешным, на ней цена указана. И довольно внушительная, если можно так сказать. Особен-

но за работу живого автора.

Джайлс рассмеялся; он припомнил, как бесцеремонно иной раз ведут себя богатые и успешные люди, когда им говорят, что нельзя получить желаемого. Жизнь в Америке, в конце концов, по большей части измеряется деньгами, и в их представлении купить можно все.

– Ну, это затруднение ненадолго, – заметил он. – Довольно скоро она станет посмертной работой.

– Кто эта девочка? – спросил дизайнер.

Джайлс посмотрел на него, прикидывая, достоин ли он дальнейших разъяснений; затем сделал еще глоток гнусного белого вина и вновь надолго замолк, глядя на фотографию.

– Она была из последних диких апачей Мексики, – наконец ответил он. – Охотник на горных львов ⁴ Билли Флауэрс выследил ее со своими собаками в Сьерра-Мадре. Это случилось весной 1932 года. Она была почти голой и умирала от голода. Флауэрс не знал, что с ней делать, и приволок ее в ближайший городишко – в Бависпе, штат Сонора. Она никого к себе не подпускала, и поначалу мексиканцы держали ее на цепи на площади и бросали ей еду, словно дикому зверю. А потом поместили в тюремную камеру. Они, конечно, не знали, как ее зовут, а сама она с ними не разговаривала, и поэтому они стали называть ее *la niña bronsa* – дикая девочка.

Джайлс одним глотком допил вино из чашки.

⁴ Горным львом часто называют пуму.

– Вот, собственно, и все, – сказал он. – Мне довелось в это время оказаться в Мексике, и я сделал снимок. Я совсем еще мальчонка был. Давно это было. Очень давно. Прямо-таки в другой жизни, – Джайлс отвернулся. – Надо бы налить еще стаканчик. Извините меня, пожалуйста.

Дизайнер ухватил его за локоть.

– Подождите минутку, – попросил он. – Что значит «вот, собственно, и все»? Что с ней потом стало? Расскажите мне.

Джайлс холодно смотрел на мужчину, пока тот не выпустил его локоть. Он стар и не слишком здоров, его выводило из себя, когда посторонние люди позволяли себе касаться его. Он понимал, что дизайнер выспрашивает подробности для того, чтобы, если он купит фотографию и повесит ее на стену в своем лонг-айлендском особняке, потчевать гостей любопытной историей.

– Ладно, – ровным голосом сказал Нед. – Все очень просто. Я заплатил шерифу, чтобы сфотографировать ее. Знаете, когда ее привезли, сразу же по всей округе разнесся слух о том, что поймали апачскую девчонку. Люди приходили за многие мили, чтобы своими глазами взглянуть на нее. Началось что-то вроде паломничества, и la piña bronca стала главным туристическим аттракционом. Торговцы поставили на площади перед тюрьмой ларьки и торговали тамале и тортильей⁵. Прямо как на карнавале. Шериф запускал людей по-

⁵ Тамале – старинное мексиканское блюдо из кукурузного теста с начинкой из острого мясного фарша, готовится завернутым в кукурузные листья на пару; тор-

смотреть девочку группками по трое – четверо. Ясно дело, всех пришедших за право посмотреть на нее просили внести малую толику денег в фонд городской тюрьмы. Она принесла хороший доход. Все кому не лень на ней деньги делали.

– Как увлекательно, – заметил дизайнер. – А что с ней случилось потом?

– Она кусала всякого, кто до нее пытался дотронуться, – продолжил Джайлс, – и отказывалась от еды и воды. Свернулась, как зародыш в утробе, – он рукой показал на фотографию, – ну, вот так. За пять дней уморила себя голодом. Ее похоронили в безымянной могиле на краю городского кладбища, прямо за забором. Потому что, разумеется, она не была христианкой. – Джайлс попытался выцедить из пустой чашки еще глоточек, снова посмотрел на снимок и сказал, понизив голос: – И это все. Конец истории. А теперь прошу меня извинить... – закончил он, отвернувшись.

За оригинальный отпечаток фотографии шестидесятивосьмилетней давности дизайнер выписал владельцу галереи чек на 30 тысяч долларов, и на уголок рамки наклеили красный ярлычок с указанием, что снимок продан. У Неда Джайлса этот отпечаток был последним; он уже давно не печатал фотографии, да и лаборатории у него давно уже не было, а все негативы сгорели в пожаре, случившемся несколько лет назад в его студии в Альбукерке. Джайлсу было стыдно,

тилья – тонкая лепешка из кукурузной муки, в тортлью заворачивают начинку или просто макают ее в соус.

что он продал фотографию, стыдно было, что он выставил ее. Мысль о том, что этот снимок, такой личный, столько для него значивший, будет висеть на стенке у этого мужика, и всякие козлы, хихикая, будут смотреть на него поверх бокалов с коктейлями, была почти невыносимой. Однако деньги ему были очень нужны. Они дадут ему возможность спокойно помереть, избежав последнего унижения – положения неимущего на содержании у штата. И за это ему тоже было стыдно.

Разумеется, то, что он рассказал, не было концом истории la niña bronca. За 30 тысяч долларов дизайнеру мужской и женской одежды, владельцу особняка в Хэмптоне, ранчо в Монтане и виллы в Палм-Бич не удастся узнать ее до конца. И только за это хоть как-то цеплялся теперь Нед Джайлс. История девочки – только его история. Он оберегал ее в своем сердце, а больше там ничего и не было.

La niña bronca

В начале времен была Иштун-э-глейш – Женищина-в-белой-раскраске. У нее не было отца, не было и матери. Ее создал Юсен своей силой. И послал жить вниз, в мир. Домом ей служила пещера.

Было время, когда Женищина-в-белой-раскраске жила совсем одна. Тоскуя по детям, она стала спать с Солнцем и вскоре после этого произвела на свет Истребительницу Чудовищ. Четыре дня спустя Женищина-в-белой-раскраске забеременела от Воды и произвела на свет Дитя Воды. Истребительница Чудовищ и Дитя Воды подрастали, а Женищина-в-белой-раскраске учила их, как надо жить. Они покинули дом и, следуя ее совету, освободили землю от почти всего зла. Женищина-в-белой-раскраске не старела. Достигнув преклонного возраста, она пешком отправилась на восток. Через некоторое время она увидела, что ей навстречу идет она сама. Они сошлись и снова слились в одну, молодую. Она снова стала девушкой. Из апачского мифа о сотворении мира (см. Джеймс Л. Хэйли. «Апачи: история и культурный очерк»; Н. Генриетта Стокел. «Женщины племени апачей»)

Девочка услышала собачий лай задолго до того, как увидела собак. Услыхала какое-то безумное пронзительное тьякканье. Она не знала, что такие звуки издают охотничьи собаки, когда берут свежий след. Точно так же она и представить

себе не могла, что след, который они взяли, – ее собственный, что она пахнет почти так же, как дикие звери, так же, как горный лев, на которого собаки должны охотиться, что она приманила их на свою тропинку. И все же, так как любое живое существо инстинктивно чувствует в лае опасность, и так как лай, поначалу такой далекий, очевидно приближался, девочка пустилась бежать вниз по арройо ⁶.

Арройо сейчас был сух, вода журчала там только в сезон дождей. Склоны прибрежных холмов заросли перекрученными мескитовыми деревьями и корявыми дубами, а выше их вздымались прямые горные сосны. Далеко внизу, на широкой равнине виднелись опунции и кактусы чолла ⁷, а также непроходимые заросли кошачьего когтя ⁸. Арройо спускался к реке, отсюда она казалась несоразмерно пышной лентой ярко-голубой воды в окружении зеленой травы, папоротников, гигантских тополей и сикомор с их белой корой ⁹, только еще начавших одеваться листвой. Этот оазис манил к себе всех: живность спешила к воде, ища близ нее тени и укрытия. Да и сама земля – скалистые каньоны и впадины, складки, напоминавшие костяшки пальцев, сами пальцы и слегка вздувшиеся вены на тыльной стороне кисти мужской руки –

⁶ *Арройо (arroyo)* – по-испански «пересохший ручей».

⁷ *Кактус чолла* – цилиндропунция.

⁸ *Кошачий коготь* – расхожее название кустарника *Senegalia greggii* семейства акациевых.

⁹ В данном случае имеется в виду платан кистистый.

тоже тянулась к ней. А вдаль вздымались зазубренные пики Сьерра-Мадре, в вихрях пыли, что нес весенний ветер с долины, их очертания казались не совсем четкими.

Девочка несла холщовый мешок, в котором лежало несколько выкопанных ею корешков, – в те несколько дней, что она бродила по горам и холмам в поисках Людей, это была ее единственная пища. На ней было платье, сшитое из двух кусков оленьей шкуры, и высокие мокасины с загнутыми вверх носками, что сразу указывало на апачскую работу. Мокасины завязывались выше колен, однако подошвы совсем износились, а следы засохшей менструальной крови, сбегавшей по внутренней поверхности бедер, окрасили кожу мокасин на подъеме в бурый цвет.

Всего несколько дней назад ее наряд был очень красивым. Мама месяцами усердно трудилась над ним, готовя девочку к церемонии вхождения в зрелость – традиционную апачскую церемонию празднования первой менструации. Оленью шкуру как следует высушили на солнце и сшили кожаной стороной наружу, потом выкрасили в желтый цвет, цвет пыльцы растений, символизирующий плодородие, а сверху нарисовали красочные символы матери всех апачей, Женщины-в-белой-раскраске – радугу, утреннюю звезду, полумесяц, солнечные лучи. Платье с выдумкой расшили бисером и украсили бахромой, серебряными пряжками и жестяными бубенчиками, которые тонко позвякивали при каждом движении девочки. Но сейчас бисер и другие украшения по

большей части оторвались, а само платье было так изодрано, что болталось полосками шкуры и развевалось по ветру, когда она бежала. Только несколько бубенчиков позванивали печально и одиноко. Девочка бежала все дальше, и крепкие колючки кошачьего когтя отрывали от платья все новые лоскуты, и постепенно ее бронзово-коричневое тело почти полностью обнажилось и покрылось кровоточащими порезами и царапинами.

Стояла сухая весенняя погода, и собакам трудно было улавливать запахи; это могло бы помочь девочке, однако ее выдавала менструальная кровь – ее сильный густой запах распространялся в сухом воздухе, будто дорогие духи, и все сильнее будоражил собак. Девочка бежала легко, беззвучно, словно дух, ее ноги едва касались камней, а невесомые шаги почти не поднимали пыли со дна арройо; густые черные волосы, спутанные и растрепанные, струились по спине. Дыхание почти не сбилось, потому что, хотя она очень устала и ослабла от голода, она все-таки была из апачского племени иридех, а значит, могла в этом темпе бежать целый день.

Девочка не знала, какую роковую ошибку допустили на церемонии ее вхождения в зрелость, почему это навлекло на Людей такую беду. Она не гуляла с парнями до наступления менструаций, поэтому ее нельзя было отстранить от исполнения роли Женщины-в-белой-раскраске. Готовившая ее к церемонии старшая сестра Це-гуюни выкупала ее до рассвета первого дня, вымыла волосы корнем юкки и пометила

желтой пылью отдельные пряди и переносицу. Затем сестра одела ее в наряд зрелости: перво-наперво мокасины, потом красивое платье, во время шитья которого старуха Дахтесте пела положенные песни. Так что ни в чем ритуал не нарушили.

Однако теперь у девочки не было времени размышлять над всем этим, она не вспоминала ни о матери, ни о старшей сестре, ни о всех других, кто погиб, когда на их лагерь напали этим утром; она просто бежала, не думая о том, что она видела из-за камней, за которыми спряталась. Трое мексиканских вакеро¹⁰ по очереди насильовали двух женщин, а остальные наблюдали, спокойно покуривая и хихикая. А потом, когда они закончили и ее мать попыталась утешить старшую дочь в их позоре, в такой беде для апачской женщины, что лучше смерть, за их спинами встали двое мужчин с мачете и нанесли обеим резкие рубящие удары в затылок. Обе упали на землю, и ее мать, уже ничего не видя, попыталась подхватить дочь, чтобы уберечь от ушибов.

Но мужчины продолжали бить их мачете, долго-предолго, пока обе не затихли.

А потом мужчины принялись охотничьими ножами отрезать головы мертвых, делая такие же резкие движения, как если бы свеживали добытую на охоте дичь. Покончив с этой мрачной работой, они насадили отрезанные головы на колья

¹⁰ *Вакеро* (исп. *vaquero*) – пастух, мексиканский аналог американского ковбоя или аргентинского гаучо.

из веток мескитового дерева и поскакали прочь, чтобы получить причитающуюся им награду. Этим индейцам предстоит вечно жить в Землях Радости без голов.

Но и об этом думать сейчас у девочки времени не было. Да и плохое это занятие – думать о мертвых, а еще хуже называть их по именам – как раз приманишь призрака, и примется он терзать живых. И все-таки каким-то безошибочным звериным чутьем, особенно острым у тех, кто стоит на пороге смерти, она понимала: податель жизни Юсен покинул Людей, и она сама каким-то образом навлекла на них эту ужасную беду, потому данной ей силой Женщины-в-белой-раскраске не сумела защитить их от давних и ненавистных врагов. И хотя девочка страшно устала и изнемогала от голода, она все бежала и бежала – упорно, легко, будто призрак, летя над скалами; лохмотья платья и растрепавшиеся волосы бешено хлестали по спине, от ее беззвучных шагов со дна сухого арройо поднимались легкие облачка пыли.

Когда она добежала до реки, собаки стали слышнее, их возбужденное тьякканье звучало теперь по-новому. Девочка заметила вожака стаи, несшегося вниз по арройо по ее следам. Он не поднимал головы, поэтому никак не мог увидеть ее, но все плотнее прижимал нос к грунту, деловито и неотвратно прокладывая свой путь. Река была неглубокой, вода – чистой, и девочка перешла ее вброд по скользким камням. Однако она знала, что от собак ей не убежать, поэтому выбрала на противоположном крутом берегу дуб, взобралась

на него и притаилась в развилке густых ветвей.

Собачий вожак лишь недолго помедлил на той стороне, исследовал часть берега выше и ниже по течению и принялся переходить реку по тем же самым камням. Он прошел по следу девочки до дерева, поднял голову и наконец-то увидел ее. И застыл в своем собачьем недоумении, глухо, горлом рыча, не вполне понимая, что за дичь он выследил. Затем присел на задние лапы, сгруппировался к прыжку и взмыл вверх, как бы для того, чтобы получше разглядеть, но при этом попытавшись уцепиться за ствол когтями передних лап. Однако не сумел и неуклюже растянулся на земле, а затем вновь поднялся и вывел иную по тону руладу, которая должна была оповестить его товарищей-псов и охотника, что он загнал добычу.

Охотник, Билли Флауэрс, уже несколько часов наматывал мили в поисках следов горного льва, когда короткий отрывистый лай оповестил его, что собаки взяли свежий след и преследуют добычу. Флауэрс знал, что его собаки не станут тратить время на какую-нибудь ерунду, – ерундой знаменитый охотник считал оленей, кроликов или других нехищных зверей. Но в лае своей своры он смутно улавливал что-то необычное, какую-то смущенную ноту, которая выдавала, что они гонят вовсе не пуму. Не иначе, подумал он, подняли ягуара, хотя эти кошки обычно водятся немного южнее. Впрочем, возможно, один какой-нибудь и забрел сюда

со Сьерра-Мадре; на это Флауэрс крепко надеялся, потому что ягуар оставался одним из немногих хищников, которых за всю его долгую охотничью карьеру ему еще ни разу не удалось добыть.

Свое призвание Билли Флауэрс почувствовал очень рано, какой-то Голос приказал ему отправиться в дебри его родного штата Миссисиппи и вылеживать там лесных и полевых зверей. Даже когда он стал взрослым мужчиной, женился и родил троих ребятишек, Голос не разрешил ему отдохнуть. Выбора не было, пришлось подчиниться. В конце концов он оставил семейство (но даже и теперь, много лет спустя, слал деньги домой жене и уже выросшим детям) и двинулся с охотой к югу, не раз в одиночку выходя на черного медведя в Луизиане, пока не пустил корни в Техасе. Там осенью 1907 года, впервые в жизни, он выступил как главный егерь Тедди Рузвельта ¹¹ в устроенной этим президентом рекламной двухнедельной медвежьей охоте. В газетном интервью Рузвельт назвал Билли Флауэрса религиозным фанатиком, потому что тот и сам отказался охотиться в воскресенье, и собак не пустил, хотя уже в понедельник преподнес президенту великолепный трофей – крупную матерую медведицу; газетные фотографии спровоцировали в стране массовые безумства с плюшевыми медвежатами ¹².

¹¹ *Рузвельт, Теодор* (1858–1919) – 26-й президент США (1901–1909) от Республиканской партии.

¹² Игрушку в виде плюшевого медвежонка впервые изготовили в 1901 г. и дей-

Из Техаса Флауэрс подался к западу, туда, где охотников мало, а дичи, могущей стать добычей, много. Он временно обосновался на Юго-Западе, хотя «обосновался» – неправильное слово. Собственного дома у него не было, большую часть времени он бродил, жил в горах вместе с собаками и лишь время от времени проводил зиму в надворных постройках у владельцев ранчо, которые нанимали его по контракту.

Так шли годы, Билли Флауэрс старел, его волосы и борода седели, и в конце концов он стал похож на ветхозаветного пророка, такой же полусумасшедший, с ярко горящими голубыми глазами. Свои охотничьи победы он заносил в тетрадочку, на основе которой, как многие одинокие фанатики и чудаки, думал со временем написать автобиографию, в бредовой уверенности, что людям интересно будет читать о его неприкаянной и полной ярости жизни истребителя диких животных. Со времени своего прихода в Техас он убил 547 горных львов и 143 медведя.

А за несколько лет до этого от его руки пал, похоже, последний в округе медведь-гризли – огромный древний зверь, у которого на левой передней лапе недоставало двух пальцев, а клыки совсем стерлись. Флауэрс хвалился, что выслеживал и гнал медведя три недели – от самого Нью-Мексико до Соноры и Чиуауа. Там он в конце концов поймал его в стальной капкан, который старый медведь потащил обратно к грани-

ствительно назвали Teddy Bear в честь президента Теодора Рузвельта.

це, но тут Билли Флауэрс его перехватил и завалил. Шкуру он отослал в Вашингтон, в Национальный музей. Последний гризли на Юго-Западе.

И вот теперь, трясясь на спине своего мула по берегу реки, Билли Флауэрс слышал, как вожак его своры, метис гончей по кличке Монах, облаивает дерево. Он повернул своего крупного палевого мула по кличке Иоанн Креститель, легонько тронул его бока шпорами, откинулся назад в седле и отдал поводья, позволяя животине самостоятельно нащупать спуск по скалистому склону. Умница Иоанн Креститель быстро и аккуратно переступал крепкими надежными ногами с камня на камень, изредка приседая на круп, чтобы съехать по особо крупному валуну. К тому времени, как он достиг дна распадка, Билли Флауэрс услышал, как к Монаху присоединились остальные собаки и принялись лаять в том же самом тоне, яснее ясного говорившем хозяину: кем бы ни было то, кого они поймали, оно сидит на дереве.

Он повернул мула в воду и прошлепал через мелководье к своим собакам; все семеро со вполне библейской симметрией окружили дерево, росшее на половине высоты противоположного склона. Собаки стояли на задних лапах, яростно корябая кору и то и дело взмывая в воздух с пируэтами, которые сделали бы честь цирковым собачкам, и отчаянно лая и скуля от досады.

Флауэрсу все никак не удавалось разглядеть сквозь густую листву, что за добычу они загнали на дерево. Подойдя по-

ближе, он услышал, как неведомая зверюшка шипит и плюется, и хотя он уже понял, что это не пума, все еще гадал, кто же это может быть, потому что никогда в жизни не слышал, чтобы зверь издавал такие звуки. Он натянул поводья, сполз с седла, расчехлил ружье. Увидев подошедшего хозяина, собаки зашлись еще пуще, с нетерпением ожидая момента, когда он выстрелом собьет добычу с дерева и позволит им в награду за усердие перервать ей глотку, а потом попировать требухой.

Билли Флауэрс уже давно перестал быть молодым, но остался гибким и сильным, он никого не боялся – ни людей, ни зверей. В луизианских болотах ему доводилось бороться с аллигаторами, голыми руками убивать гремучих змей, выходить против пумы или медведя с одним охотничьим ножом в руке. Он думал, что уже видел все, что только можно видеть в дикой природе, однако совершенно не был готов к тому, что существо, сидящее на ветке дуба, начнет рычать и плевать, пытаясь отбиться от собак голыми руками с тонкими пальцами, на которых даже когтей не было. Он на минуту призадумался, уж не сам ли дьявол явился наконец испытать его, приняв вид дикого существа – наполовину человека, наполовину зверя, скрючившегося на дереве, с обрывками одежды, свисавшими со спины, и со спутанными пышными волосами. На лице существа красовались грязные грубо намалеванные желтые полосы, оттенявшие глаза, темные и бездонные, как само время, в которых сейчас плескалась

ярость, становившаяся все сильнее, пока оно, рыча и плюясь, кидалось на его собак.

А потом с облегчением, таким смутным, что он его едва заметил, Флауэрс понял, что перед ним не Сатана, хотя, возможно, вместилище Сатаны – язычник, да еще один из самых закоренелых. Когда он еще только пришел в Мексику, ему рассказали, что в некоторых затаенных распадках Сьерра-Мадре еще обитают небольшие племена диких апачей. Это высокогорье настолько труднодоступно, что там побывали всего несколько белых, а мексиканцы так и вовсе боятся туда соваться. Билли Флауэрс привык бродить по диким местам, а язычников боялся не больше, чем людей или зверей, он считал их помесью первых со вторыми. Он уже понял, что под лохмотьями и грязью скрывается девочка, почти ребенок, и отозвал собак, а те мгновенно послушались, прекратили кидаться на дерево и теперь, поскуливая, бродили вокруг ствола. Из пастей капала слюна, поджарые ребра вздымались.

«Ты поразишь их жезлом железным, – нараспев произнес Билли Флауэрс, вскидывая ружье на плечо, – сокрушишь их как сосуд горшечника»¹³. Он посмотрел на девочку и не обнаружил никаких признаков страха в ее странно прямом и на удивление спокойном взгляде, никаких намеков на что-то человеческое. Точно так же можно было посмотреть в глаза пуме или медведю, а им в глаза за свою долгую жизнь он

¹³ Псалом 2:9.

смотрел бесчисленное число раз, прежде чем разделать тушу. В их горящих, непроницаемых глазах он никогда не видел ничего, кроме своего собственного отражения.

Флауэрс опустил ружье, засунул его обратно в притороченный к седлу чехол, покачал головой и что-то с отвращением пробормотал себе под нос. Он воочию увидел собственный страх – то, что ему в этой совсем юной девочке, считай ребенке, привиделся Сатана. Он знал, что мексиканское правительство снова начало выплачивать вознаграждение за скальпы апачей, чтобы раз и навсегда очистить страну от этой заражавшей ее многие десятилетия чумы. Значит, это законное убийство. Однако Билли Флауэрс никогда прежде не убивал человеческое существо, не собирался он этого делать и теперь, пусть даже такое примитивное и столь далекое от Бога, как это.

Флауэрс покопался в седельной сумке и вытащил небольшой сверток из воощенной бумаги, развернул его и вытащил единственную тортилью, обернутую вокруг медовых сот из улья, на который он недавно совершил набег. На охоту он всегда брал с собой совсем немного еды, полагая, что мясо пумы или медведя придаст ему и его собакам звериной силы. Однако он питал слабость к сладкому и не мог противиться искушению полакомиться медком.

Он сделал еще один шаг вперед, внимательно посмотрел на маленькую дикарку на ветке, развернул тортилью и заметил, что девчушка косит глазом, впрочем, как и собаки, сле-

дя за каждым его движением.

– Думаю, ты голодна, язычница, – проговорил он не лишенным доброты голосом, а затем отломил кусок тортильи и обмакнул его в мед, словно губку. – Да уж, мисс, – продолжил он, откусывая смачный кусок; медленно прожевав его, он тщательно, один за другим, облизал пальцы. – Думаю, ты сильно голодная. – Он вытащил еще кусок и протянул его вверх девочке. – Вот. Давай. Бери его.

Девочка спокойно взглянула на него, но не сделала даже попытки принять угощение.

Старик еще раз внимательно посмотрел на нее и кивнул: – Нет, я не должен думать, что ты слезешь, пока я не привяжу собак, верно?

Он вновь завернул тортилью и соты в вощеную бумагу и сунул сверток в нагрудный карман рубахи. Затем повернулся к мулу и достал из седельной сумки собачьи цепи. Отвел собак чуть ниже по склону к зарослям мескитовых деревьев и по очереди надежно привязал каждую.

– Ну вот, маленькая мисс, – сказал он, вернувшись к девочке, – теперь можешь слезть. Собаки тебе вреда не причинят. – Он достал сверток с тортильей из кармана и помахал им, давая понять, что она должна спуститься, если хочет получить еду.

Девочка посмотрела на тортилью, потом на Флауэrsa, потом на собак. Он снова поднял сверток.

– Ну давай, перекуси немного, – он говорил скорее пото-

му, что ему нравился звук собственного голоса, точно так же он разговаривал с собаками, которые месяцами составляли его единственную компанию, обращаясь к ним так, словно они были людьми и понимали каждое слово. – Собаки привязаны, детка. Я тебе вреда не причиню.

Не сводя с него глаз, девочка начала спускаться с дерева и наконец бесшумно, словно бестелесный дух, прыгнула на землю. Лохмотья платья всколыхнулись на ее спине, бубенчики звякнули, словно зачирикали где-то вдалеке птички. Флауэрс не мог не заметить дикой грации ее движений, такой же, какая отличает движения койота или волка от движений домашней собаки.

– Если вздумаешь бежать, это тебе добра не принесет, – предупредил он ее. – Я снова пущу их за тобой, и на этот раз они тебя поймают и разорвут в клочья. – Он снова протянул девочке тортилью, однако она даже не потянулась к еде. – Я тебе дам на время свою рубашку, детка, – сказал он, слегка расстроенный непривычным видом маленьких коричневых грудей девушки, которых никак не прикрывали жалкие лохмотья. – Ты ведь почти голая. И, во имя Господа Всемогущего, я сам-то попахиваю, мне нечасто удается помыться, а ты так просто безбожно воняешь. Ну прямо как лесной зверь. Неудивительно, что собаки так к тебе и отнеслись.

Девочка смотрела на него глазами такими темными, что они казались почти черными, а белки глаз у нее были кофейного цвета, именно из-за этого анатомического различия ин-

дейцы называли белых белоглазыми. Билли Флауэрс знал несколько апачей – на территории их резерваций в Нью-Мексико он не раз охотился и находил их людьми убогими, склонными к пьянству и азартным играм, на спасение душ которых надеяться не приходится. Но этот ребенок был другим – абсолютно дикий, словно гость из доисторических времен.

– Боюсь, юная леди, Господь Милосердный сделал для тебя все, что мог, – с казал Флауэрс. Затем он повернулся к мужу и принялся искать в седельной сумке рубаху, чтобы прикрыть наготу маленькой язычницы.

Блокнот Неда Джайлса. 1932 год

1 Декабря 1999 года

Альбукерке, Мексика

Человеческая память – с амый ненадежный инструмент, ее искажают попытки вернуться в прошлое и пересмотреть события с большого расстояния и в другом возрасте, приобретя опыт горя, разочарований, житейской суеты, в тщетной надежде, что прошлое было не совсем таким, как мы привыкли думать. Вот почему все мемуары лживы по определению. Но фотография не лжет. Уж не помню, чем она меня когда-то привлекла. Моя память во многом визуальна, годы и десятилетия моей жизни запечатлены в образах, в сотнях и тысячах фотографий, снятых за прошедшие пятьдесят лет, хотя что случилось со многими из них, я и понятия не имею. Да теперь это и неважно, чтобы вспомнить, не нужно видеть саму фотографию, потому что я все их храню в памяти, вижу свет и композицию каждой, особенное выражение лица, клочок пейзажа за окном, голую правду пустой комнаты, лучи солнца, косо светящие в дверной проем, сама дверь чуть

приоткрыта, а внутри – тайна.

Я закрываю глаза, и память услужливо рисует мне темноглазую девочку, бегущую по сухому арройо. Легкую, сильную, неукротимую, с кожей цвета каштана и черными волосами, густыми, будто львиная грива. Я навсегда остановил ее линзами своей камеры, но она – как сон, не прекращает движения, отказывается оставаться в покое. Многие уверены, что фотография – неодушевленный предмет, остановленное, как бы замороженное, время. Это не так. Это всего только особый момент между тем, что было, и тем, что вот-вот будет, крошечный миг между прошлым и будущим.

Я больше фотографий не делаю, мне не нужны новые напоминания, у меня их и так более чем достаточно. Я сильно нездоров, у меня плохое сердце. Посреди ночи я просыпаюсь, потому что мне трудно дышать и в груди у меня как будто трепыхается умирающая птица. Мне долго не протянуть.

И все же неотвратимость смерти не мешает мне во сне щелкать затвором фотоаппарата или просматривать, словно слайды, старые изображения. Совсем наоборот. Говорят, старики не помнят, выпили ли лекарство пять минут назад, зато то, что случилось пятьдесят, шестьдесят или семьдесят лет назад, помнят отлично. Это оказалось правдой.

За много лет я привык тщательно записывать в блокнот все, где я побывал, и все, что я делал. Такие записи люди ведут для самих себя, в моем случае – чтобы потом видеть, как развивался или, наоборот, отставал как фотограф. И если, а

я в это твердо верю, мы реализуемся через нашу работу, нашу профессию, наши достижения, эти блокноты свидетельствуют о моем развитии или, наоборот, отставании как человеческой личности. Другим это, разумеется, совсем неинтересно.

Дневники я вел с 1932 года, с середины Великой депрессии, не просто в другие времена, а целую жизнь назад. Там описана моя поездка в Мексику, когда мне было семнадцать лет. Еще одно мое убеждение состоит в том, что характер человека формируется очень рано, и даже если драматические обстоятельства меняют течение нашей жизни, фундаментальные основы личности они не затрагивают. Все эти проекты самосовершенствования, программы двенадцати шагов, стабилизирующие настроение медикаменты и психотерапии ни к чему не ведут, мы так или иначе застреваем в самих себе. И даже если я, перелистывая те мои блокноты в последующие годы, видел там наивность, максимализм и претенциозность семнадцатилетнего мальчишки, меня все равно поражало, как ясно я узнавал самого себя, как много осталось во мне от того смешного, вечно сердитого, трогательного, полного надежд юного дурачка. А если бы еще не слабость и некрасивое старение тела в шестидесяти-семидесятилетнем возрасте, я бы подивился тому, как мало, в сущности, я изменился.

Хранить долгие годы эти записи стоило хотя бы ради поразительного открытия, что я сойду в могилу тем самым

мальчиком, которым был когда-то и которым являюсь до сих пор. Точно так же поразительно, решив, уже стариком, бросить взгляд на собственную юную личность, в самом первом абзаце обнаружить, что эта юная личность пристально смотрит вперед на собственную старость. Немного напоминает ощущение, когда стоишь между двумя зеркалами и смотришь в бесконечный туннель создаваемых ими отражений.

А между страницами моих рабочих блокнотов часто заложены фотографии, некоторые даже приклеены. Многие из них за минувшие годы оказались утрачены, и по практическим соображениям многие из тех, что уцелели, я в этой рукописи не использую, хотя и могу время от времени на них сослаться. Я опускаю также записи, касающиеся фотографической техники и оборудования, просто потому, что они скучны тем, кто серьезно не изучал фотографию. Наконец, читатель обнаружит, что какие-то записи датированы, а какие-то нет. Я уже не могу вспомнить, почему так вышло, но думаю, что частенько, находясь среди диких апачей Сьерра-Мадре, просто не представлял себе, какой сегодня день. В той совершенно непохожей на нашу реальности это просто не имело значения.

Более того, история, которая изложена ниже, – чистая правда. Не та правда, которую видит сквозь завесу прожитых лет и иных воспоминаний шестидесятисемилетний старик, возможно, желающий возвеличить себя перед смертью, а именно то, что переживал семнадцатилетний Нед Джайлс

в далеком 1932 году.

Блокнот I

Отъезд из дома

5 января 1932 года

Чикаго, Иллинойс

Завтра утром я уезжаю из Чикаго и поэтому сегодня вечером начинаю новый блокнот, в котором буду описывать свою поездку. Все остальные, а их с детства скопилось несколько дюжин, я решил оставить здесь, как и свою прошлую жизнь. Для новой жизни – новый блокнот! Предстоит большое приключение, и, может быть, когда-нибудь моим детям или внукам будет интересно о нем почитать. А может быть, и я сам, уже стариком, усевшись на веранде в кресле-качалке, захочу перечитать блокнот. Я так рад, что еду, но, должен сознаться, мне немного страшно. У меня в груди словно бабочки порхают, уснуть я все равно не смогу, так что лучше я прямо сейчас начну писать. Например, о том, как я решился в первый раз уехать из дома.

С тех пор как три месяца назад мои родители умерли, я жил в нашем доме один. Целую неделю или около того ни-

кто не замечал, что я живу один. Думаю, люди вообще не очень внимательны; у всех хватает своих бед, да и что такое один сирота по сравнению с тем, что множеству людей вообще жить негде и они ночуют на улице?

Мама умерла осенью в пресвитерианском госпитале Св. Луки. Я тогда этого не знал, но бизнес моего отца испытывал большие трудности. Папа был первым дилером «студебеккеров» в Чикаго, однако, по-моему, в последние два года люди почти не покупали автомобилей, и он оказался в большой финансовой беде. Последнее, что мне сказала мама перед смертью: «Позаботься об отце, Нед, без меня он пропадет».

Холодным ветреным октябрьским утром мы похоронили маму на кладбище «Оак-парк». От похорон в памяти остались только провожающие, кутавшиеся в теплые пальто, да желтые листья, кружившие по аллеям кладбища. Несколько дней спустя папа заперся в ванной у нас дома, сунул дуло пистолета в рот и снес себе весь затылок. Я нашел его, вернувшись из школы, он сидел, откинувшись назад, на унитазе. На бортике ванны он оставил адресованный мне конверт. В нем лежали копия его страховки, а еще ключи и паспорт его новенького родстера «Коммандер-8». В коротенькой записке он попросил меня аккуратно обращаться с машиной и деньгами и сообщил, что жалеет, что не смог оставить мне больше. «Прости, сын, – написал мне папа, – но я жить не могу без нашей дорогой мамочки. Ты всегда был хорошим

мальчиком. Я знаю, ты любишь фотографировать. Почему бы тебе не купить хорошую камеру? Удачи тебе, Нед. Люблю. Папа». И все. Последний папин совет «Почему бы тебе не купить хорошую камеру?»

Я понимаю, что пишу обо всем этом сухоовато, ведь правда? Я любил своих родителей, но тогда я просто не мог плакать над ними. Видимо, когда умирала мама, я слишком сосредоточился на своем беспокойстве об отце. Он был в совсем плохой форме, пил слишком много виски и плакал по ночам. Однако я и подумать не мог, что он покончит с собой. Что это за отец, который способен вот так бросить единственного сына? Я любил отца, но понимал, что он был слабым человеком. Я считаю, у него должно было бы хватить ответственности остаться со мной и позаботиться обо мне.

Младший брат отца, дядя Билл, приехал из Калифорнии, чтобы помочь мне с похоронами и получением отцовской страховки. Я его не слишком хорошо знал, но он оказался вполне ничего. Мне не хотелось ехать жить к нему, да и он, по-моему, не очень-то об этом мечтал. Поэтому я соврал ему, что поеду жить к сестре матери в Цинциннати. Дядя Билл явно почувствовал облегчение, хотя никакой сестры в Цинциннати у мамы никогда не было.

– Обязательно пришли мне открытку со своим новым адресом, когда доберешься туда, – сказал он. – И, знаешь, если тебе что-нибудь понадобится, ну хоть что-нибудь, ты всегда можешь рассчитывать на своего старого дядю Билла. – Гово-

ря это, он улыбнулся и был как будто смущен, поскольку мы оба, конечно же, знали, что это неправда.

В школе я на целый год опередил ровесников и сейчас уже учусь на первом курсе бакалавриата Чикагского университета. Кроме того, я работаю неполный день, по крайней мере, до недавнего времени работал, в частном мужском клубе «Чикагская ракетка». Я уже давно подрабатываю там в летние каникулы. Начинал подносчиком мячей для теннисистов-профи, потом перешел в сам клуб. За эти годы я все понемногу перепробовал. Мою посуду на кухне, убираю корты для сквоша и раздевалки, работаю официантом в столовой. Члены клуба меня любят, потому что знают с тех пор, как я был ребенком, а еще я спокойный и вежливый, так что иной раз толстосумы вообще забывают, что я там, и разговаривают между собой свободно, будто меня и нет. Мне нравится работать в клубе, к тому же я понимаю, как мне повезло, что у меня есть работа в наше время, когда многие оказались на улице. Занятно, но большинство членов клуба выглядят так, будто Депрессия их не коснулась. Все старые чикагские фамилии состоят членами клуба – все Свифты, Армуры, Кюдэхи, Митсы, Маккормики, а сам клуб – это такой детский шалаш для взрослых, куда взрослые дядьки все вместе прячутся и делают вид, что все о'кей и за стенами вообще ничего не происходит. В этом-то, как я понимаю, и состоит главная цель частного клуба. Внутри – совершенно другой мир, и я чувствую это всякий раз, как вхожу в дверь. Стены обши-

ты темным деревом, на них висят картинки с охотничьими собаками и гарцующими лошадьми. Полированная мебель красного дерева или дубовая обита плюшем и бархатом. Натертые до зеркального блеска паркетные полы покрыты красивыми восточными коврами. Это трудно выразить словами, но в клубе царит такая умиротворяющая тишина, в воздухе витают запахи хорошего виски, кубинских сигар и тонкого аромата знаменитого чикагского мяса, что жарится на кухонном гриле. А сладковатый, смешавшийся с запахом дорогого одеколona запах пота только что закончивших партию игроков совсем не похож на горький запах пота работяг, собравшихся в баре, чтобы после смены выпить незаконную пинту пива.

Так или иначе, члены клуба выглядят повеселее других в наши дни. Они устраивают вечеринки, пьют спиртное и чем пьянее становятся, тем громче защищают разрушительную экономическую политику их героя – президента-республиканца Герберта Гувера. А наша семья – потомственные работяги-демократы, и папа как-то сказал мне, что лучше не говорить об этом в клубе. Но члены клуба вряд ли станут беседовать с обслугой о политике.

Кое-кто из членов клуба видел отцовский некролог в «Чикаго Трибьюн» (я сам написал его), и с тех пор они со мной особенно приветливы. Некоторые даже сунули мне в карман конвертики с деньгами. Странно было принимать их подарки, как будто чаевые за папину смерть. Но еще страннее было

в эти последние недели возвращаться после работы в темный пустой дом. Разумеется, там все еще множество вещей моих родителей, я ничего не менял, в доме по-прежнему пахнет ими, словно они в отпуск уехали, а меня оставили на хозяйстве. На крючках, прибитых к внутренней стороне двери в ванную, все еще висят мамины халаты, папина бритва, станок для правки и крем для бритья все так же лежат на полочке над раковиной. И мне всякий раз кажется, что они просто позабыли взять эти вещи с собой в отпуск. И только тонкий пороховой налет позади унитаза и след от царапнувшей стенку пули напоминает о том, что они никогда не вернутся домой.

Когда папа совершил самоубийство, я набрал побольше рабочих часов в клубе и перестал ходить на занятия. Я всегда был хорошим студентом, материал давался мне легко, но, сказать по правде, учеба перестала меня интересовать. Лекции в университете тогда казались мне чем-то вроде копания в собачьем помете с целью выяснить, что собака ела. Единственное, чего мне хотелось, – это учиться фотографировать. Несколько лет назад папа купил мне первый фотоаппарат, простенький дешевый «кодак», и с этого момента я был буквально одержим фотографией. Два года назад я вступил в любительский клуб фотографов. Я там самый молодой член. Раз в неделю мы собираемся, обмениваемся разными мыслями и техникой, обсуждаем наши работы. Я даже выиграл приз на конкурсе клуба. Кстати, я воспользовался пред-

смертным советом папы и, когда пришли деньги за страховку, купил себе «Дирдорф 8×10» со штативом и держателем пластин. Это самый красивый механизм на свете.

Он и позвал меня в дорогу. Как-то в воскресный день, незадолго до Рождества, я закончил прибираться в столовой клуба после ланча. Был угрюмый серый день, один из тех, когда темнеть в Чикаго начинает уже в четыре пополудни, ветер гонял волны по озеру, принося с собой сырой колючий снег. Я уже собрался домой, когда заметил, что менеджер повесил на доску объявлений какой-то листок.

**БОЛЬШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К АПАЧАМ
ИЩЕТЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ?
ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ЭКСПЕДИЦИИ В
НЬЮ-МЕКСИКО
ЦЕЛЬ**

Экспедицию в горы Сьерра-Мадре на границе штатов Сонора и Чиуауа снаряжают профессионалы из Дугласа (Аризона) и Агуа-Прета (Со-нора, Мексика) с целью отыскать семилетнего сына Фернандо Хуэрты, хозяина ранчо из Бависпе (Сонора), похищенного индейцами-апахами 26 октября 1928 года, когда мальчику было три года. Похищение сопровождалось убийством матери мальчика. Известно, что мальчик еще жив. Есть надежда, что вооруженные участники экспедиции заставят индейцев сдаться и вернуть ребенка.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К БОЛЬШОЙ

ЭКСПЕДИЦИИ К АПАЧАМ

Отъезд из Дугласа (Аризона) в направлении Басерака (Сонора) и Каньона пещер 1 апреля 1932 года. В агентствах Брендстрита или Дана желающие принять участие могут навести справки об организаторах экспедиции. Профессионализм организаторов гарантирует, что отобранные будут люди, не уступающие по своим качествам Мужественным всадникам ¹⁴, а цель такова, что недостатка в острых ощущениях не будет и экспедиция запомнится на всю жизнь. Участники экспедиции побывают в самых захватывающих неисследованных девственных уголках Западного полушария, которые до них посетило всего несколько белых. Великолепные рыбалка и охота гарантированы. Если вас это привлекает, записывайтесь и отправляйтесь в путь.

ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ СЕГОДНЯ К СВЕДЕНИЮ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Экспедиция снаряжается на собственные средства участников, возмещение расходов не предусмотрено. Цель – оказание помощи Фернандо Хуэрте в спасении семилетнего сына, похищенного апачами в 1928 году. Ежедневный взнос с каждого добровольца на покрытие расходов – 30 долларов. Принимаются

¹⁴ Мужественные всадники (Rough Riders) – первый из трех отрядов добровольческой кавалерии, сформированный в 1898 г. для участия в испано-американской войне.

только добропорядочные джентльмены с хорошими рекомендациями. Это не поход солдат удачи. Экспедиция станет подразделением народной милиции мексиканской армии; каждый доброволец обязан отслужить одну неделю, но, если пожелает, волен остаться до конца экспедиции.

Ну, вы можете себе представить, какое впечатление это объявление произвело на меня в тот самый угрюмый чикагский день. Аризона, Мексика, Сьерра-Мадре, индейцы-апаچی, охота, рыбалка! Я вырос в этом городе и провел здесь всю жизнь, однако еще маленьким обожал читать журналы о спорте и дикой природе: «Филд-энд-Стрим», «Аутдор Лайф», а еще западные газеты и журналы: «Сансет», «Эйс-Хай», «Еженедельник Дикого Запада». Как всем мальчишкам, мне нравились романы Зейна Грея и Джека Лондона, я, конечно, читал про Тома Сойера и Гека Финна. Чуть ли не всю жизнь я мечтал удрать на индейскую территорию, посмотреть страну, жить на природе, охотиться и рыбачить. Но на деле я почти не выезжал из Чикаго, разве что на каникулы в Висконсин с родителями, да еще разок отец взял меня с собой на рыбалку в Миннесоту. Ни на Западе, ни на Юго-Западе я не бывал. Я понимал, что очень скоро кто-нибудь да обнаружит, что я остался один, так разве не лучше всего сейчас отправиться в путешествие?

Прежде чем уйти домой в тот день, я тщательно переписал объявление в свою студенческую тетрадь. Записал адрес

в Дугласе (Аризона), куда следовало обращаться добровольцам. Пока я все это делал, ко мне подошел менеджер клуба, крупный рыжий ирландец по имени Фрэнк Дьюлэни. Мы, работники, не слишком его уважали. Членам клуба он выказывал елейное подобострастие, а свои тайные обиды вымещал на работниках.

– Забудь об этом, Джайлс, – ехидно проговорил он. – Читать умеешь? Платить не будут; они ищут джентльменов. Если ты еще не понял, это значит – членов клуба, но не персонал.

– Да, сэр. Я это знаю, мистер Дьюлэни, – ответил я. – Но им понадобятся люди, чтобы прислуживать джентльменам. Хочу обратиться насчет работы. Не дадите мне рекомендацию, сэр?

Я понимал, что Дьюлэни будет продолжать насмехаться, если узнает, что я мечтаю наняться в экспедицию в качестве фотографа.

В тот день я добрался до дома, когда уже совсем стемнело. Народ выстроился в очереди – к то к дверям ночлежек, кто за дармовым супом от Красного Креста. Люди тесно жались к стенам домов, стараясь хоть как-то укрыться от ветра, прятали носы в воротники пальто. Другие толпились вокруг горящих смоляных бочек на бульваре. Пламя пригибало ветром, а они пытались хоть как-то согреться. Я поспешил по улице, стараясь не видеть этих бедняг; на уме у меня была только одна эгоистичная мысль, мысль о моем побеге отсюда.

В тот вечер по всему городу отключили электричество. Я достал из подвала угольную печурку, затопил ее и до поздней ночи при свете свечи писал письмо в Организационный комитет Большой экспедиции к апачам. В оконные стекла швыряло снег, а ветер продувал домишко моих родителей насквозь.

За ночь снегу намело на два фута, и «Чикаго Трибьюн» вышла только к вечеру следующего дня. «Снежная буря накрыла город», – кричали заголовки, а в газете написали, что ночью на улицах замерзли десятки людей. Все говорили, что это самая страшная снежная буря, какую они когда-либо видели. Никогда не забуду статью на первой полосе с пересказом речи президента Гувера, произнесенной накануне в Вашингтоне. Президент сказал, что вмешательство федерального правительства в экономику противоречит «американским идеалам и американским установлениям», а Депрессия пусть идет своим чередом. Лучшим ответом на голод и страдания, сказал Гувер, для предпринимателей является добровольное удержание зарплат на прежнем уровне и сохранение рабочих мест, а для всех остальных американцев – «благотворительность и взаимопомощь на добровольной основе». Хорошо бы президент втолковал это людям, оставшимся без крова и замерзавшим прошлой ночью на улице.

Думаю, работать в экспедицию попросились мальчишки, прислуживавшие во всех частных клубах, в которых развешили объявление. Шли недели, а ответа от Оргкомитета все

не было. Я его так и не дождался.

Прошло еще несколько дней, и в мою дверь постучали дама и мужчина из социальной службы. Я знал, что это произойдет, и, когда меня спросили, кто обо мне заботится, со-врал: сказал, что со мной живет дядя Билл из Калифорнии, просто сейчас его нет дома. Они, похоже, не поверили и спросили, можно ли зайти и осмотреть дом. Я сказал: нет, дяде это не понравится, а они сказали, что в следующий раз придут с полицией и ордером на обыск. Оставили свою карточку и сказали, что дядя должен срочно связаться с ними и оформить бумаги на опеку. И если он не объявится в течение трех дней, они придут и заберут меня, и я буду должен жить в приемной семье, пока мне не исполнится восемнадцать. Вот тут-то я и понял, что пора уезжать из города. Мне семнадцать исполнится через пару месяцев, я уже довольно давно сам о себе забочусь и совершенно не собираюсь жить у чужих людей. До начала экспедиции в Мексику оставалось еще несколько месяцев, и я решил потратить это время, отправившись на машине на юг, немного посмотреть страну, а уж потом заявиться в Оргкомитет в Дугласе, штат Аризона.

Ранним вечером я уже попрощался с Энни Парсонс, моей любимой девушкой. Думаю, она понимала, что надолго после смерти родителей я в городе не задержусь. Сказал, что буду ей писать, что, наверно, вернусь летом, но про себя знал, что все это ложь. Думаю, и Энни это тоже знала, по-

тому что последними ее словами, когда я уже проводил ее в общежитие и мы поцеловались перед дверью, было: «Будь счастлив, Нед Джайлс».

Я уже упаковал вещи, а наутро я загружу их в папин «родстер», запру дом и оставлю ключ под ковриком для людей из банка, которые все равно собирались его забрать. (Все папины долговые расписки, как и извещение о лишении права на выкуп имущества, я сложил на столике прямо перед входной дверью.) А потом покачу прочь из Чикаго, прочь от родительского дома, прочь от моей старой жизни. Кто знает, может, я никогда не вернусь. В груди у меня порхают бабочки.

23 января 1932 года

Канзас-Сити, Миссури

Ну да, я не так уж аккуратно веду записи, а все потому, что последние три недели я почти все время находился за рулем. Я был так занят, что не записал ни строчки, хотя добрался уже до Канзас-Сити. Я стараюсь не тратить то, что удалось скопить в клубе, ни папину совсем маленькую страховку (большую ее часть я потратил на камеру), поэтому я на две недели задержался здесь поработать на пастбище, принадлежащем Армурам, членам клуба «Чикагская ракетка».

Взяли меня только потому, что я вез письмо от самого мистера Армура, я попросил его об этом еще в Чикаго, когда продумывал маршрут. И все равно управляющий, толстяк по имени Эрл Бимсон, дал мне самую завалящую, самую низкооплачиваемую работу – чистить загоны для скота. Я не боюсь тяжелой работы, да и вообще я работал чуть не с пеленок, но такого я еще никогда не делал. И никогда моя прежняя работа в теннисном клубе не казалась мне такой завидной, как после двух недель выгребания коровьего дерьма. Каторжная грязная работа, а платят всего доллар в день. И все равно каждый день приходят десятки тех, кто готов так работать, и получают от ворот поворот.

Я не завел здесь ни одного приятеля. Мое рекомендательное письмо мало того что пробудило в мистере Бимсоне ненависть ко мне, так еще и оттолкнуло других: они думают, что я то ли член семьи, желающий ознакомиться с бизнесом с самого низа, то ли шпиону для семьи, то ли и то и другое. Я попытался одному сказать, что я такой же наемный работник, как и он, так в ответ услышал:

– Ну знаешь, Джайлс, если бы тебе и впрямь нужно было зарабатывать на жизнь, ты не раскатывал бы на такой машинке, правда?

– Это подарок отца, – ответил я. – Это все, что он мне оставил.

Вчера мы подрались с рослым молодым норвежцем из Миннесоты по имени Томми Лундквист. Сам я среднего ве-

са, однако немного занимался боксом в колледже, а кроме того, у меня взрывной характер и хороший хук слева. Томми – к рупный медлительный парень, и я знаю, что задать мне перцу его подговорили другие. Он задел меня, я ударил в ответ. Он страшно удивился, а потом, увидев, что я в кровь разбил ему нос, принялся плакать. Мне стало стыдно, что я так сильно ударил его, но я подумал, что теперь меня наконец оставят в покое. Впрочем, я в любом случае скоро отсюда уеду.

13 февраля 1932 года

Омаха, Небраска

Я уже успел добраться до Омахи, и там мое служебное положение значительно улучшилось. Владельцы «Чикаго Трибьюн» – разумеется, члены клуба «Чикагская ракетка», они дали мне рекомендательное письмо владельцам «Омаха Дейли Стар», и мне удалось поступить туда временным ассистентом штатного фотографа, парня по имени Джерри Мэкки. Это моя первая настоящая работа в журналистике, и, хотя я пока что всего лишь мальчик на побегушках, я многому учусь. И это уж точно лучше, чем целыми днями грести навоз.

Джерри Мэкки говорит очень быстро и ехидно, курит одну сигарету за другой, он настоящий коммунист с партийным билетом. Он учит меня не только ремеслу фоторепортера, но и марксистским политическим взглядам. Он уже пару раз брал меня с собой на партийные собрания дома у его товарищей – писателей и художников. Они курили, пили виски, ругали правящий класс, горячо спорили о важности искусства, литературы и журналистики для «дела». И хотя многое из того, что они говорят, у меня в голове не укладывается, кое-что и вправду имеет смысл. Я там моложе всех, и поэтому они не очень-то обращают на меня внимание, а я держу рот на замке и просто слушаю. Однако пару дней назад один из коллег Мэкки, редакционный колумнист по имени Кевин Андерсон, застал меня врасплох.

– Юный мистер Джайлс, – сказал он, – на наших собраниях вы все больше молчите. Рассказали бы нам, что привело вас в революцию.

Я толком не понял вопроса.

– Не знаю, – промямлил я. – Думаю... Думаю, я лучше принесу камеру. – Все вокруг рассмеялись, а я густо покраснел.

– Как же ваша камера может послужить делу? – спросил Андерсон.

– Я не совсем уверен, сэр, – продолжал я мямлить.

– Я спрашиваю, – со значением произнес Андерсон, – что, по вашему мнению, мнению начинающего фотографа, явля-

ется вашей главной обязанностью в эти непростые для общества времена?

– Не знаю, – еще тише пролепетал я. – Наверно, правильно выставить фокус.

Тут все снова расхохотались, а Кевин Андерсон хлопнул меня по спине.

– Хороший ответ, парень! Хороший ответ.

19 февраля 1932 года

Омаха, Небраска

Да уж, недолго я потрудился на этой работе. Только я подыскал себе пансионат в городе, как Джерри Мэкки и еще двенадцать человек уволили из газеты. Начальство заявляет, что это сделано в целях сокращения расходов в условиях падения тиража и уменьшения поступлений от рекламы. А Мэкки убежден, что его выгнали из-за его марксистских пристрастий и из-за того, что его снимки, не говоря уже о репортажах, становились все более политизированными.

– Ублюдки! Жадные капиталисты! – в опит он. – Вся система продажная и насквозь прогнила. И они знают это, но цепляются за нее зубами и ногтями. Они в отчаянии, они дрожат перед нашим движением и пытаются заткнуть нам

рот. Но Джерри Мэкки замолчать не заставишь; они не заставят меня прекратить обнажать язвы капитализма в моих фотографиях. Запомни мои слова, паренек, американские рабочие – голодные, преследуемые, герои, которые молча страдают, – поднимутся и заберут себе власть в этой стране. А я буду в первых рядах, чтобы документально зафиксировать революцию моей камерой!

Я очень уважаю Джерри Мэкки и благодарен ему за все, чему он научил меня в последние недели. Про революцию я ничего не знаю, хотя с того вечера, когда Кевин Андерсон задал мне тот вопрос, я долго переживал, раздумывая над моим ответом. Правильнее было бы сказать, что главный мой долг как фотографа – показывать правду. Но это как-то чересчур напыщенно, верно?

Так или иначе, если газета уволила фотографа, ей больше не нужен и ассистент, поэтому меня тоже выгнали. И вот я снова в дороге, направляюсь на юг.

29 февраля 1932 года

В окрестностях Оклахома-Сити

Должен признать, здесь гораздо более пустынно и менее романтично, чем я думал. Конечно, сейчас зима и сельская

местность кажется мрачноватой. Жутко холодно, деревья голые, все темное, замерзшее, мертвое. На дороге полно людей, многих из них погнали в путь тяжелые времена, все бредут поодиночке, сторонятся друг друга, спешат мимо, отводя глаза, словно им стыдно за то, что попали в такое положение. Я и сам почему-то чувствую себя выбитым из колеи, словно меня оторвало от земли и нет якоря, чтобы за что-то уцепиться. После смерти мамы и папы, пока я все эти месяцы жил в нашем доме один, окруженный их вещами и убаюканный их запахами, мне кажется, я действительно верил, что они каким-то образом вернуться. И только когда я уехал из дома, пустился в дорогу, вот в эти последние недели я наконец-то до конца осознал, что родители ушли навсегда и я больше никогда их не увижу. И все, что у меня осталось, – это несколько фотографий и папин автомобиль. По правде говоря, мне неловко ехать на такой модной машине. Поэтому я то и дело сворачиваю с дороги, чтобы подвезти автостопщиков, иногда целые семьи вместе с их жалкими пожитками и детишками, которых запихивают на тряское заднее сиденье «родстера». Они смотрят на меня со страхом, словно я могу оказаться врагом. Почти у всех у них пустой, усталый, потерянный взгляд, словно бы извиняющийся за их положение. Как будто то, что экономика выкинула их на обочину и вся их жизнь пошла наперекосяк, – целиком и полностью их собственная вина. Думаю, я понимаю, что они чувствуют, хотя и по другим причинам.

Вчера, неподалеку от Вичиты, Канзас, я остановился, чтобы подобрать женщину, одиноко голосовавшую с маленькой девочкой. Стоял холодный ветреный день, на полях поблескивал иней. Девочка куталась в старое выношенное материнское шерстяное пальто, слишком большое для нее. А сама женщина была одета совсем не по погоде – в цветастое хлопковое платье и шерстяной кардиган с продранными локтями. Они стояли на обочине с одним потертым чемоданом и двумя бумажными пакетами с каким-то скарбом. Я позволил им разместиться на переднем сиденье «родстера», дал матери одеяло, чтобы они в него завернулись, и до отказа повернул рукоятку печки. Мы поехали, и девочка повернулась ко мне своим серьезным, немного чумазым личиком.

– Мистер, мы живем на ферме, – сказала она. – У меня только мама. У папы есть грузовик, но он должен был уехать.

Может быть, они ехали к отцу девочки, может быть, собирались пожить у родственников. Я не спросил. Я привык не задавать лишних вопросов на дороге.

– Помолчи, дорогая, – сказала мать девочки. – Доброму молодому человеку это неинтересно.

– Конечно, интересно, детка, – возразил я. – Какого цвета грузовик твоего папы?

Тогда мать перегнулась через девочку, сидевшую рядом со мной, и шепнула на ухо такое, от чего я залился краской. Даже в моем блокноте, которого никто не увидит, я не могу повторить то, что она сказала, и я видел, как она плакала

от стыда за то, что предлагает такое, чтобы раздобыть дочке хоть какой-нибудь еды.

– Ох, нет, мэм, – пролепетал я. – У меня есть несколько лишних долларов, я могу их вам дать. А если вы и ваша девочка голодны, остановимся у какого-нибудь кафе и перекусим. Я приглашаю. А взамен вы, может быть, позвольте мне вас сфотографировать.

Вот такие дела творятся в наши дни на дорогах. Немудрено молодому парню коммунистом стать.

12 марта 1932 года

Гуднайт, Техас

Я так и делал всю дорогу до Техаса, здесь последние две недели я работаю на ранчо «Сёркл Джей» близ Амарилло. Ранчо принадлежит богатому шотландцу по имени Монти Макджилливрей, который торгует крупным рогатым скотом, живет в Чикаго и тоже является членом клуба «Чикагская ракетка», уже столько раз помогавшего мне в этом путешествии. Я встречался с мистером Макджилливреем в клубе на праздниках, и он велел мне сделать здесь остановку по пути на юг, пообещав работу. Он – один из самых моих любимых членов клуба, коренастый сердечный мужчина, носит твидо-

вые пиджаки, щеголяет пышными черными усами, а темные волосы зачесывает назад. Он всегда жизнерадостен, всегда у него найдется доброе словечко для обслуги, он – один из немногих, кого, кажется, действительно интересует, как мы живем.

Мне еще не приходилось иметь дело с лошадьми, но я думаю, что этот опыт пригодится мне в Большой экспедиции к апачам. Я хотя бы верхом ездить научусь. Вот я и учусь, с тех пор как приехал. Зная, что я интересуюсь фотографией, мистер Макджилливрей заказал мне портреты своих родных и гостей.

Мне нравится Западный Техас, его поля и холмы, полосатые скалы каньонов и бескрайние пастбища. На ранчо живет одно из последних уцелевших стад диких бизонов. Зимой мистер Макджилливрей приглашает своих богатых друзей поохотиться на этих животных. Хотя «охотиться» – не совсем точное слово. Гостей везут к стаду на специально оборудованных машинах. Винтовки и рогатки для винтовок готовят специальные люди. Они высматривают бизонов, спокойно пасущихся на лугу, и стреляют в них. По мне, это как в коров стрелять, и ничего спортивного я тут не вижу, однако поголовье надо регулировать, а богачам это, похоже, доставляет удовольствие.

В мои обязанности входит обихаживать гостей, и в этом за годы, проведенные в клубе, я хорошо попрактиковался. Другая моя обязанность – фотографировать охотников с их

трофеями. Проявляю и печатаю я сам в специальном затемненном сарае и вручаю портреты гостям на память о пребывании на ранчо. Мистер Макджилливрей, кажется, очень доволен моей работой, позавчера он предложил мне работать на ранчо полный день.

– Я знаю тебя по клубу с тех пор, как ты совсем маленьким был, – с казал он мне. – Ты мне почти как сын. Брось ты эту охоту на апачей. Тебе у меня понравится, Нед.

Должен признать, это заманчивое предложение.

– Мне правда тут очень нравится, сэр, – ответил я. – Но сейчас у меня сердце лежит к поездке в Мексику. Вот если меня не наймут для экспедиции, то я, может быть, вернусь, если еще буду вам нужен. Или после экспедиции, если место для меня сохранится.

– На моем ранчо для тебя всегда найдется место, паренек, – сказал мистер Макджилливрей.

Правду сказать, хотя мне нравится и сам мистер Макджилливрей, и то, как он ко мне относится, я подустал работать на богачей. Может быть, повлияло то, чего я наслушался от Джерри Мэкки и его товарищей о правящем классе, может быть, просто сказались все годы работы в клубе. А может быть, дело в моем путешествии и во всех тех, кого я повстречал на дороге, лишившихся работы и сдернутых со своих мест. Не знаю, объяснить это трудно, но мне кажется, что за последние месяцы все изменилось... нет, все, конечно, действительно изменилось. Я много думал о папе и

понял, что всю жизнь он пытался походить на богачей, он предал политические взгляды своей семьи и свои рабочие корни, чтобы соответствовать образу успешного капиталиста-республиканца. Его собственный отец до самой смерти махал молотом, забивая бычков на чикагской бойне, чтобы его сын мог получить образование и начать свое дело, чтобы потом уже сын его сына отчищал его мозги от стенки в ванной комнате. Есть о чем подумать, правда?

Если уж говорить о богачах, то вот вам история... На этой неделе на ранчо приехал Толберт Филлипс из Филадельфии, чья семья сделала состояние на железнодорожных перевозках. Он приехал с сыном, Толбертом-младшим. Толли, как его называют, всего на пару лет старше меня. Этот длинный и неуклюжий щеголь, типичный студентик из Лиги Плюща¹⁵, напоминает мне множество высокопоставленных молодых людей, за чьими теннисными мячиками я мальчишкой бегал в клубе, куда они летом приезжали заниматься. Вот только ведет себя этот парень хуже, чем любая девчонка. Ясно, что отец Толли – старый друг мистера Макджилливрея, привез сына поохотиться на бизонов как на своего рода обряд посвящения.

На охоту молодой Толли явился с ног до головы упаково-

¹⁵ *Лига Плюща* – ассоциация восьми самых престижных университетов США, расположенных в северо-восточных штатах. Название происходит от побегов плюща, которые обвивают стены старинных зданий.

ванный в сафарное хаки от «Аберкромби энд Фитч» плюс пробковый шлем.

– Вам нравятся мужчины в форме? – шепотом спросил он меня, по-видимому, не только не понимая, как нелепо он выглядит, но даже чуть ли не гордясь этим.

А вот мистеру Филлипсу, грубоватому и властному человеку, явно было стыдно за сыночка. Не успел Толли завалить своего бизона, как он сбежал с поля, оставив меня устанавливать камеру и делать фотопортрет. Пока я этим занимался, Толли, инспектируя свою добычу, поднял заднюю ногу бизона.

– Что это вы делаете? – спросил я.

– Проверяю его причиндалы, – сказал Толли.

– И зачем это вам понадобилось?

– Хочу сравнить с буйволом в Кейптауне. Знаете, я ведь бывал в Африке.

– Нет, этого я не знаю, – ответил я.

– Отец все время отправляет меня на всякие спортивные мероприятия, – проговорил он, – в надежде сделать из меня мужчину. А мне, как вы, наверно, догадались, Джайлс, нравятся мальчики.

Никогда раньше не слышал, чтобы кто-то в таком признавался.

– А! Нет, я ни о чем не догадывался, – ответил я.

– Сказать по правде, мне эта охота на крупного зверя совсем неинтересна, – продолжал Толли. – Но в Найроби

столько очаровательных молодых людей. Даже на сафари у меня был мальчик в палатке.

Мне совсем не хотелось знать такие подробности о Толберте Филлипсе-младшем.

– Ладно, – торопливо сказал я. – Все готово. Давайте снимем ваш портрет.

– Я намерен позировать с бизоньей пиписькой в руке, – объявил Толли.

– О чем это вы говорите?

– Вы меня слышали, старина.

– Зачем это вам?

– Зачем? Посмешить самых близких друзей, разумеется, – объяснил Толли. – Если, конечно, вы понимаете, о чем я говорю.

– Нет, не понимаю, – сказал я. – Я ничего в этом не понимаю. И не хочу иметь с этим ничего общего.

– Ну, не будьте ханжой, старина, – гнул свое Толли. – Мы назовем снимок «Награда охотника». Вы только представьте, как взбесится отец!

– Почему вы хотите, чтобы ваш отец взбесился? – с просил я.

Толли посмотрел на меня с выражением крайнего терпения.

– Вы очень наивны, правда, Джайлс?

– Не думаю.

– Ладно, старина, все в порядке, – сказал он. – Все, что вам

на самом деле надо знать: я – гость, вы – обслуга. А теперь давайте снимем портрет.

15 марта 1932 года

Гуднайт, Техас

Ну так вот. Я снял портрет Толли Филлипса в точности так, как он просил, и результатом моих усилий стал утренний вызов в кабинет мистера Макджилливрея.

– Садись, Нед, – с казал он, сидя в своем кресле за рабочим столом, и я сразу понял, для чего он меня позвал. – Я много лет тебя знаю, паренек. Ты всегда был хорошим мальчиком. – Он взял сделанную мной фотографию Толли и подтолкнул ее по столу ко мне. – Выкинуть такую штуку – это на тебя не похоже.

– Простите меня, сэр, – сказал я. – Но именно так просил сфотографировать его Толберт. Я думал, он просто хотел пошутить.

– На редкость дурная шутка, – процедил мистер Макджилливрей. – Извращенная, больная шутка.

– Да, сэр, – согласился я. – Мне она тоже не показалась смешной.

– Но ты же сделал снимок, верно, Нед?

– Да, сэр. Потому что Толли попросил меня. А он – в аш-гость.

– Отец Толберта – мой старинный и близкий друг, – заметил мистер Макджилливрей. – Его ничуть не позабавила безвкусная фотография его сына.

– Да, сэр, я и не думал, что она его позабавит, – огласился я.

– Боюсь, у меня нет выбора, придется тебя выгнать, – сказал мистер Макджилливрей.

– Выгнать меня, сэр? – я был поражен. – Но я всего лишь выполнил пожелание гостя.

– Ты должен понять, парень, что я не могу оставить служащего, намеренно оскорбившего моего гостя, да еще таким образом.

Меня еще ни разу не выгоняли с работы. Кровь бросилась мне в лицо, но не от стыда, а от злости на богатых, чья власть дает им возможность походя калечить чужие жизни.

– Я вовсе не хотел никого оскорбить, мистер Макджилливрей, – попытался я объяснить. – Честно. Я просто сделал то, что просил гость.

– Ты мог отказаться, паренек, – заметил он. – Ты проявил неумение правильно оценить ситуацию.

– Я – обслуга, сэр, – попытался я спорить. – Меня учили, что обслуга должна выполнять желания гостей. Это всегда было моей работой.

– Ну хватит, Нед, – отрезал мистер Макджилливрей. – Ве-

чером упакуешь вещи и рано утром уедешь. Чек за работу получишь перед отъездом у мистера Камминса. – Макджилливрей склонился над разложенными на столе бумагами, давая мне понять, что разговор окончен.

Минуту я просидел в оцепенении, не в силах пошевелиться. Потом робко произнес:

– Сэр?

Мистер Макджилливрей поднял голову и как будто удивился, увидев, что я все еще здесь.

– Так, Нед, в чем дело? – нетерпеливо спросил он.

– Позавчера вы сказали, что я вам как сын.

Он встретился со мной взглядом и не отвел глаз. Задумчиво нахмурил лоб, потом тряхнул головой, ставя последнюю точку.

– Нет, паренек, – с нажимом сказал от, отодвинул кресло и поднялся. – Я сказал: почти как сын. Ты – всего-навсего служащий, которого выгнали.

Это был славный урок. Но вообще-то уже пора ехать дальше.

16 марта 1932 года

Эстера, Нью-Мексико

Из Техаса я двинулся на юго-запад, через потрескавшиеся песчаные холмы по направлению к Нью-Мексико – обширному, сухому и пустынному краю. Здешние очаровательные крошечные городки довольно далеко отстоят друг от друга, многие из них покинуты, заколоченные окна пестрят объявлениями: «Продается», «Разорился вконец», «Калифорния или банкротство». В разбитые стекла заброшенных домов свищет холодный зимний ветер, на полях торчат высохшие стебли необранной прошлогодней пшеницы и кукурузы, сухие и коричневые на фоне потрескавшейся земли. Одинокая страна, и мне в ней одиноко.

Я остановился переночевать в заброшенном обшитом вагонкой фермерском доме близ Пепа, Нью-Мексико. Не думаю, что его прежние владельцы стали бы возражать. И все-таки я никак не мог отделаться от странного чувства, что они вот-вот вернутся домой и обнаружат мое вторжение. Тихо, как вор, я прошелся по пустым комнатам, мысленно представляя себе людей, которые здесь жили; я как будто слышал их голоса и смех. На полу то тут, то там валялись оскол-

ки их жизни: детский рисунок карандашом... лысая кукла с одной рукой... прошлогодний каталог «Монтгомери Уорд»¹⁶, уголки некоторых страниц загнуты в несбывшейся надежде... пустая бутылка из-под виски... просроченная банковская закладная. Немного раньше, когда еще было достаточно света, я установил камеру на штатив и сделал несколько негативов интерьера дома, чуть ли не надеясь, что, когда я их проявлю, на снимке волшебным образом, как призраки, появится бросившая его семья. Точно так же я надеялся, что мои родители волшебным образом вернутся на землю.

Они не увезли с собой кухонную плиту, возможно, она оказалась слишком тяжелой, и, поскольку ночь выдалась холодная, я набрал досок от разрушенного курятника на заднем дворе, наломал веток засохшего вяза и развел огонь. На крыльце я нашел обшарпанный стул и старую табуретку, которой воспользовался в качестве стола. Затем прибрался, как будто я был новый жилец, вымел мышинный помет сломанной метлой. Расстелил на полу спальный мешок и зажег керосиновую лампу.

Когда мама заболела, мне пришлось немного научиться готовить. От папы в кухне толку не было, и питались мы в основном бутербродами с колбасой. В поездку я взял с собой кухонный ящик, в котором лежали чугунная сковорода, котелок, медный кофейник, тарелка и чашка, основные при-

¹⁶ «Монтгомери Уорд» – сеть розничных магазинов в США, существующая с 1872 г.

боры и немного припасов: соль, сахар, мука, кофе – словом, все самое необходимое. В котелке вскоре забулькали бобы, а еще этим утром в Порталесе я купил у мясника небольшой стейк. Его я поджарю с луком, а потом съем со свежей тортильей, которую купил там же у какой-то мексиканки. Есть у меня и единственный драгоценный помидор, купленный в большом магазине, его я порежу и положу поверх стейка. Помидор незавидный, он маленький и сморщенный, и все-таки он так ярко краснеет на этом сером зимнем фоне.

Вот так я устроил себе настоящий дом. От горячей плиты в кухне тепло и даже как-то уютно. Однако я слышу, как по дому, словно еще один неугомонный путешественник, свищет зимний ветер, а в законных сумерках простирается бескрайняя пустынная страна.

4 апреля 1932 года

Дуглас, Аризона

Сегодня мой семнадцатый день рождения, и я наконец достиг цели своего путешествия. Я пишу эти строчки, припарковавшись на Мэйн-стрит в Дугласе, штат Аризона. Воздух высокогорной пустыни прохладный и неподвижный; сегодня один из переходных дней, когда ясно, что зима уже кончи-

лась, но еще далеко не весна. Клонящееся к закату солнце освещает бледные горы на востоке мягким, хотя и без тени теплоты светом. Город оставляет ощущение полупокинутости, уже хорошо знакомое мне по увиденному в пути, – неряшливый, захудалый городок с голыми витринами магазинов, разбитыми окнами и пустыми улицами.

Прошло уже больше двух месяцев, как я уехал из Чикаго, и вот теперь, здесь, я почувствовал такое одиночество, такую тоску по дому, каких я еще не испытывал. Пустыня, по которой я ехал последние несколько сотен миль, казалась суровой и мрачной. Я – чужак в чужой стране. Далеко к югу, позади границы с Мексикой, я вижу зазубренные пики Сьерра-Мадре, словно чудовища, нависающие над равнинами. В этом предвечернем свете они кажутся мне куда менее романтичными, чем я себе представлял, – твердые, скалистые, неприятные...

Мне страшно. Ну вот, я это написал. Я подумываю о том, чтобы развернуть «родстер» и рулить назад, в Чикаго. Но там не осталось ничего родного – ни родителей, ни дома, ни моей комнаты. Некуда мне возвращаться. Так что я посижу тут немного, пока снова не стану храбрым. Не знаю, что со мной творится. Солнце садится, и холодный воздух падает на меня, будто камень с крыши. Мне хотелось бы, чтобы папа с мамой были живы. Может быть, я сумел бы остаться в Чикаго, закончить колледж, найти постоянную работу. Может быть, я помогал бы отцу в его бизнесе и он не покончил бы с

собой. Я женился бы на Энни Парсонс и завел бы собственную семью... «Будь счастлив, Нед Джайлс», – сказала Энни.

Ну ладно. Я только что перестал плакать, сидя в машине, припаркованной на Мейн-стрит в Дугласе, штат Аризона, в мой семнадцатый день рождения. Плакать, как чертов младенец. В первый раз я плакал по своим родителям... в первый раз я плакал по себе самому. А теперь выплакался.

5 апреля 1932 года

Дуглас, Аризона

Перечитал написанное вчера, и стало стыдно за себя, за то, что был таким хнычащим младенцем-переростком. За последние двадцать четыре часа столько всего произошло, что теперь все по-другому. Даже не знаю, с чего начать. Если бы я не пообещал всегда быть на этих страницах честным, я бы вычеркнул вчерашнюю запись.

Проплакавшись, я вновь завел машину и поехал в город. Сегодня мой день рождения, настроение печальное, поэтому я решил побаловать себя комнатой в гостинице и обедом со стейком. Я легко отыскал гостиницу «Гэдсден» в конце Мейн-стрит. В грязноватом пограничном городишке это респектабельное пятиэтажное каменное здание смотрится ино-

родным телом.

Внутри оказалось еще респектабельнее, чем снаружи; войдя, я сразу увидел, что гостиница мне не по средствам. Я стоял в вестибюле и крутил головой, разглядывая затейливо оформленные пролеты и площадки массивной центральной лестницы белого итальянского мрамора. Лестница вела в мезонин, фланкированный четырьмя огромными мраморными колоннами, декорированными золочеными листьями и роскошным витражным панно от Тиффани длиной сорок два фута. В вестибюле толпились добровольцы, желающие принять участие в Большой экспедиции к апачам, одни прохаживались взад и вперед, другие болтали, сидя на расставленных островками диванчиках, обитых красным бархатом.

За стойкой стоял портье, стройный подтянутый молодой человек в темном костюме с галстуком-бабочкой. На мне был комбинезон с футболкой, и, когда я подошел, он, удивленно приподняв бровь, окинул меня профессиональным взглядом и моментально понял, что я не подхожу ко всей этой роскоши. Я знал этот взгляд, знал по собственному опыту работы в клубе, что выглядеть более импозантными, чем богачи, способны только те, кто обслуживает богачей.

– Чем могу служить, сэр? – спросил он с такой властью в голосе, что сразу было ясно: служить мне он не намерен.

– Я хотел бы получить номер, будьте любезны, – попросил я, стараясь выглядеть старше, чем я есть, и каким-нибудь

волшебным образом получше одетым.

– Вы бронировали заранее, сэр?

– Не совсем.

– Прошу прощения, сэр?

– Нет, я не бронировал.

– М-м-м, жаль. – Он вытянул губы трубочкой и сделал вид, что проверяет по журналу заказов, проводя сухим, белым, как бумага, пальцем сверху вниз по странице. – Мы заполнены под завязку, сэр, – сказал он наконец. – Видите, начали приезжать добровольцы – участники Большой экспедиции к апачам.

– Да, я сам здесь по тому же поводу, – бросил я. – Я увидел объявление в одном из чикагских клубов и подумал, что поеду и посмотрю, не записаться ли.

– Значит, вы – член закрытого клуба для джентльменов, верно, сэр? – его брови снова поползли вверх.

– Ну, не совсем член, – сжалился над ним я. – Я работал в том чикагском клубе. Я надеюсь получить в экспедиции оплачиваемую работу.

Портье понимающе улыбнулся.

– Ах, понятно, конечно, сэр. Вы и все остальные в этом городе.

– Я действительно хороший фотограф, – сказал я.

– Разумеется, я и не сомневаюсь, сэр, – отозвался портье. – И тем не менее, сегодня у нас свободных номеров нет.

– Ни одного?

– Похоже, что так, сэр.

– А если бы я был членом клуба, а не служащим, для меня нашелся бы номер? – спросил я.

– Понимаю, это несправедливо, – помялся он, – но я имею строгие инструкции придержать номера для добровольцев экспедиции.

– Чьи же это инструкции? – спросил я. – Разве мои деньги хуже, чем деньги добровольцев?

– От управляющего, разумеется, – ответил он. – Я здесь всего лишь работаю.

И тут за моей спиной послышался хорошо мне знакомый голос:

– Поселите мистера Джайлса в свободную комнату в моих апартаментах, мистер Браунинг. Все равно там у меня лежит только охотничье снаряжение.

Я обернулся и обнаружил мистера Толберта Филлипса-младшего, как всегда, загорелого и расфуфыренного, в ловко сидящих белых слаксах и рубашке поло, волосы зачесаны назад, на плечи небрежно наброшен теннисный свитер, словно он только-только с корта. Он лучезарно улыбнулся мне с глупо-выжидательным видом, как будто мы с ним близкие друзья.

– Джайлс, старина! – в оскликнул он. – Толли Филлипс, ранчо «Серкл-Джей» в Гуднайте, Техас. Помните?

– Как я могу не помнить? – отозвался я. – Что вы тут делаете, Толли?

– Иду добровольцем в экспедицию к апачам, разумеется, – ответил он. – Еще одна придумка отца о том, как сделать меня мужчиной. Что, как вы видели, пустая трата времени. Господи, как жаль, что вы не видели его лица, когда он взял в руки снятый вами мой портрет, Джайлс. Это был полный восторг!

– Ну знаете, Толли, – сказал я, – мне было не до восторгов.

– Знаю. Мне очень жаль, честное слово. Я, разумеется, взял всю ответственность на себя.

– Мне это не очень-то помогло, – продолжил я. – Из-за вашей милой шалости меня выгнали.

– Я знаю, Джайлс. Вы взяли на себя мою вину. Так ведь поступают ваши чикагские гангстеры? И это с вашей стороны чертовски благородно. Поверьте, отец отказался бы от меня как от сына, если бы мог. Знаете, он ждет не дожидается, чтобы разразилась какая-нибудь война и он отправил бы меня защищать демократию. «Я сделаю из тебя мужика!» – твердит он. Или убьет меня, что для него предпочтительнее, чем иметь такого сына. Охота на диких апачей, господи ты боже мой! Вы слышали что-нибудь более абсурдное? Но скажите мне, Джайлс, вы-то что здесь делаете?

– Хочу наняться на работу в экспедиции.

– Вот здорово! – воскликнул Толли. – Как чудесно совпало, что наши дорожки вновь пересеклись. У меня теперь есть возможность расплатиться за неприятности, которые я вам причинил. – Он повернулся к портье и решительно нацелил

указательный палец. – Добавьте расходы мистера Джайлса к моему счету, мистер Браунинг. Вызовите коридорного, чтобы отнес его багаж в мой номер.

– Очень хорошо, сэр, – отозвался Браунинг.

– Где ваши чемоданы, старина? – обратился ко мне Толли.

– Послушайте, Толли, – с казал я, – я благодарен вам за предложение. Но вы мне ничего не должны. Я посплю в машине, я уже привык. Но все равно спасибо.

– Чепуха! – вскричал Толли. – Слушать ничего не хочу. У меня в апартаментах есть пустая комната, и она к вашим услугам. И не волнуйтесь, я вас не потревожу, если вы об этом беспокоитесь. Вообще-то вы не в моем вкусе.

– Это хорошо, Толли, – улыбнулся я. – Ведь мне-то нравятся девушки.

Толли Филлипс рассмеялся своим высоким, похожим на конское ржание смехом.

– Ясное дело, девушки, Джайлс. Уж это-то я понял. Может, поэтому вы мне и не нравитесь.

Портье положил на стойку передо мной регистрационный бланк. Привыкший к тому, что при мне, не смущаясь, часто вели приватные разговоры в клубе, я по достоинству оценил его умение хранить невозмутимость. Ни один мускул на его лице не дрогнул, движение бровей не выдало, что он расслышал хотя бы слово из того, что Толли только что сказал.

– Прошу вас, сэр, – обратился он ко мне. – Нужно заполнить бланк и расписаться внизу.

– Вы приехали в самый благоприятный момент, Джайлс, – сказал Толли. – С егoдня вечером будет собрание, на котором мэр этого симпатичного городка изложит подробности Большой экспедиции к апачам. Пойдем туда вместе. Посмотрим, что удастся сделать, чтобы вас взяли на работу. Мистер Браунинг, как вы думаете, у них найдется должность для моего юного друга?

– Не могу сказать, сэр, – прохладно отозвался Браунинг. – Впрочем, похоже, что существует довольно много претендентов на ограниченное число должностей. И их прочат в основном местным.

– Ладно, это мы еще посмотрим, – заявил Толли. – Имя Толберта Филлипса здесь кое-что значит, знаете ли. Если бы не моя семья, в этой дыре и поезда бы не ходили. А сейчас, Джайлс, я настаиваю на том, чтобы вы поднялись в мой номер и привели себя в порядок. Потом найдете меня здесь, в баре. – Толли улыбнулся во весь рот и заговорщически посмотрел вокруг. – У меня найдется кое-что, чтобы подправить ваш лимонад.

Вот так я поселился в апартаментах Толли Филлипса. Принял горячий душ, переделся и спустился в бар. Там было душно, толпились все прибывающие добровольцы, царила какая-то восторженная, праздничная атмосфера. Толли заказал нам обоим лимонад, а потом под столом щедро плеснул в стаканы из пол-литровой бутылки текилы.

– Протащил через границу, – сказал он, показывая мне

бутылку. – Пили когда-нибудь «маргариту», Джайлс?

Мне доводилось с товарищами по колледжу бывать в чикагских значных местах, где мы пили виски и отвратный самогон, однако текилы я еще не пробовал. Толли приподнял свой стакан.

– Есть у меня ощущение, что мы быстро станем очень близкими друзьями, старина, – проговорил он. – Но, разумеется, только в платоническом смысле. Ну, за наши приключения в старушке-Мексике!

Мы чокнулись и сделали по глотку.

– Неплохо! – похвалил я.

– Неплохо? Вы чертовски правы, это куда как неплохо! – рассмеялся Толли. – Знаете, я серьезно обдумал ваше положение, Джайлс. И пришел к выводу, что вам надо записаться в экспедицию в качестве моего камердинера. Каждый доброволец имеет право взять с собой слугу.

– Вашего камердинера? Ну не знаю, Толли. У меня совсем нет опыта. Что, собственно, должен делать камердинер?

– Ох, не зацикливайтесь на названии, старина, – предложил Толли. – Что такое слова? В детстве у меня был камердинер. По утрам он приносил мне одежду и помогал одеваться. Тогда до меня дошло, что мне нравятся прикосновения мужчины.

– Я совершенно точно не буду одевать вас, Толли, – решительно заявил я. – Давайте проясним все с самого начала.

Толли снова рассмеялся.

– Разумеется, не будете, Джайлс, – сказал он. – Да я вас и не попрошу. Я вполне в состоянии одеться самостоятельно. Наверное, лучше назвать вас моим ассистентом, а не камердинером. Так вам больше нравится?

– По правде говоря, ненамного.

– Будете, так сказать, моим Пятницей, – продолжал Толли. – Отчасти секретарем, отчасти камердинером, отчасти грумом...

– Грумом?

– Да. Комиссия по экспедиции предпочитает, чтобы добровольцы имели собственные средства передвижения, – начал объяснять Толли, – вот отец и послал со мной в Мексику трех из его чистокровных охотничьих лошадей. Но, увы, мне пришлось уволить грума в Сент-Луисе. У парня были проблемы со спиртным. Вы когда-нибудь имели дело с лошадьми, Джайлс?

– Почти нет, – с казал я. – У спел кое-чему научиться на ранчо. Ведь я вырос в Чикаго, Толли. У меня явно не хватает квалификации, чтобы ухаживать за вашими охотничьими лошадьми. Так что работа вашим ассистентом становится все менее привлекательной.

– Я очень хорошо обращаюсь со своими людьми, – с легкой обидой заявил Толли. – И, если позволите напомнить вам, Джайлс, вы не в том положении, чтобы быть слишком разборчивым. Хотите вы попасть в экспедицию или нет?

– Я почти на все готов, чтобы попасть, – кивнул я. – Мне

только не по душе стать одним из ваших людей. Я-то надеялся наняться фотографом.

– Ох, пожалуйста, Джайлс! – Толли насмешливо улыбнулся. – С чего бы им нанимать вас фотографом? Уж не думаете ли вы, что у них нет профессионала, чтобы освещать события? Они точно не возьмут новичка.

– Ну, тогда я предложу таскать камеру за фотографом, – сказал я.

Оставив Толли в баре «Гэдсдена», я пришел в ратушу пораньше. Рабочие еще расставляли стулья и заканчивали сооружать трибуну и кафедру для выступающих. Я принес с собой камеру и штатив, чтобы показать, кто я такой. Однако заметил, что другой фотограф уже расставляет оборудование.

Я подошел к нему познакомиться. Это был нечесаный сутевливый толстяк в поношенном и плохо сидящем костюме. Огромный живот свисал над брючным ремнем, в зубах торчала незажженная дешевая сигара.

– Рад познакомиться, сынок, – он протянул мне руку с толстыми, как сардельки, пальцами. – Уэйд Джексон, лауреат премии «Дизайн Дейли Диспетч». Для кого снимаешь?

– Я фрилансер, сэр, – ответил я. – Надеялся наняться фотографом в экспедицию. Но, наверно, вы уже заняли место.

Джексон недоверчиво посмотрел на меня, потом громко расхохотался. Выудил из кармана зажигалку «Зиппо», отки-

нул крышечку, чиркнул, подождал, пока фитилек разгорится, потом поднес к кончику своей сигары и пыхтел до тех пор, пока он не стал ярким, почти оранжевым. Выпустив огромный клуб дыма, он воздел очи горе.

– Благодарю тебя, Боже, уж не знаю, чем я это заслужил, но благодарю. – Затем повернулся ко мне и сказал: – Что, блин, за навороченная камера у тебя, малыш?

– «Дирдорф», – смущенно ответил я. – 8×10.

– Ну да, ну да, знаю, какая это камера, – сказал толстяк. – Я не о том спросил. Я спросил, почему у тебя такая камера.

– Люблю широкий формат, – ответил я.

– Он любит широкий формат! – развеселился толстяк. – У тебя одна камера?

– Да, сэр. А что не так?

– Это великая камера для портретов и художественной фотографии, – сказал Джексон, нажимая на последние слова. – Когда времени у тебя полно и можно сколько угодно выставлять фокус. Но для репортажной съемки не годится. Сколько она весит вместе со штативом и запасом пластин? Сорок фунтов? Пятьдесят?

– Что-то вроде того.

– Послушай, сынок, тебе известно, что ни один газетный или журнальный фотограф не снимает 8×10? Я скажу тебе, что я сделаю. Я тебе одолжу один из моих «Спид-Графиков»¹⁷. Или еще лучше – я одолжу тебе мою новую «лейку»¹⁸.

¹⁷ «Спид-График» (*Speed Graphic*) – специальные камеры для фотожурналисти-

Снимал когда-нибудь «лейкой»?

– Нет, сэр.

– Легкая, быстрая, то, что там нужно.

Я был ужасно смущен.

– Я не совсем понял, сэр. Там – это где?

– В гребаной Сьерра-Мадре, – нетерпеливо пояснил он. –

А ты думал где?

– Мне казалось, вы сказали, что вы – штатный фотограф местной газеты? – робко уточнил я. – Разве вы сами не будете освещать экспедицию?

Уэйд Джексон широко развел руками. Потом воздел ладони к небу.

– Сынок, посмотри на меня хорошенько, – проговорил он. – Разве я похож на парня, который мечтает скакать на коне за апачами в гребаной Сьерра-Мадре? Больше тебе скажу. Разве я похож на парня, который может скакать на коне за апачами в гребаной Сьерра-Мадре, даже если бы хотел?

Ну, по правде говоря, он точно был не похож на такого парня, однако мне не хотелось быть невежливым, поэтому я ответил:

– Точно не знаю, сэр.

– Ты это дерьмовое «сэр» бросай, – сказал он. – Зови меня Большой Уэйд, это будет до задницы вежливо. Слушай, мэр

ки, выпускавшиеся фирмой Graf Iex. Первые камеры были выпущены в 1912 году, производство продолжалось до 1973 года.

¹⁸ «Лейка» (Leica) – первая малоформатная фотокамера. Изобретена в 1913 г.

и мой дубина-редактор настаивают, чтобы я отправлялся в эту их нелепую и трижды гребаную экспедицию. Им фотографии нужны. Я сказал им, что не поеду, я там помру. Там ведь надо подняться на девять, не то десять тысяч футов, а я еле дышу на уровне моря. – Джексон вытащил сигару изо рта и печально посмотрел на нее. – Для меня это чересчур, – сказал он. – Да разве им есть дело до моего хрупкого здоровья? Нет им дела. Они, дважды дерьмо, говорят: приведи себя в порядок, Большой Уэйд, ты едешь. А тут ты, малыш, на меня свалился, прям как ангел с небес. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Вы хотите сказать, что я получил работу? – спросил я. – Вот так, сразу?

– Еще не получил, сынок, – отозвался Большой Уэйд. – Для этого надо немного подготовиться. Для начала представить тебя моему редактору. Потом сделать так, чтобы он поверил, будто это его идея. К счастью, он самый тупоголовый человек на этой планете, так что это несложно. Кстати, сынок, сколько тебе лет? Двенадцать?

– Мне семнадцать.

– Ладно, для нашей цели пусть тебе будет двадцать. Ты на вид моложе своих лет. Опыта у тебя, конечно, никакого?

– Ну, в последние пару лет я ходил в любительский клуб в Чикаго, – похвастался я. – В прошлом году я получил приз... Большой Уэйд поднял руку.

– Ни слова больше, сынок, – с казал он. – В ыкинь этот

пункт из твоего резюме прямо сейчас. Думаешь, кто-нибудь впечатлится тем, что ты участвовал в конкурсе со старушками? Что еще у тебя есть?

– Две недели работал ассистентом фотографа в «Омаха Дейли Стар», – с казал я. – Потом парня, которому я помогал, уволили, ну и меня заодно.

– Вот это уже лучше, – обрадовался Большой Уэйд. – С этим можно работать. Как того парня зовут?

– Джерри Мэкки.

– Мэкки? Ладно, пусть будет Мэкки, – сказал он. – Писать можешь?

– Писать?

– Ну да, писать, – Большой Уэйд, казалось, вот-вот потеряет терпение. – Понимаешь, они хотят меня, потому что я и снимаю, и пишу. Две работы за одну зарплату. Если ты еще не понял, «Дуглас Дейли Диспэтч» – это вовсе не «Нью-Йорк Таймс», у них не такой бюджет, чтобы держать и фотографов, и репортеров.

– Да, я могу писать, – заверил я. – Я веду записи.

– Ах, записи? Что ж, это должно сработать, – с казал Большой Уэйд. – Вот что я скажу тебе, сынок. Когда я приведу тебя к редактору, ты держи рот на замке, говорить буду я, хорошо? Просто следуй моим указаниям. – Он поднял вверх толстый палец. – И, сынок, не вздумай ляпнуть про любительский клуб. Ты теперь профессионал, понял?

– Ясное дело, понял, Большой Уэйд.

Тем временем в зале постепенно начали собираться люди. Члены Оргкомитета, оживленно болтая между собой, заняли места за столом. Большой Уэйд называл мне каждого, а потом подвел к столу и поставил прямо перед ним. Рядом он установил свою камеру.

– Этот круглолицый, смахивающий на херувима парень слева – наш мэр Э. Дж. Карджилл, – проговорил Большой Уэйд, указывая на четырех вошедших в зал мужчин. – Красивый пышноволосый испанец рядом с ним – Фернандо Хуэрта, отец похищенного мальчика. Жилистый, злобного вида тип позади них, который ходит, как будто его в задницу дулом ружья подталкивают, – шеф полиции Лесли Гетлин. А усатый и с медалями, похожий на Валентино ¹⁹, – это полковник Эрменгильдо Каррильо, он возглавляет экспедицию.

– Большой Уэйд, как вы думаете, они действительно смогут спасти мальчика? – спросил я.

Джексон резанул меня таким взглядом, словно это я – самый тупоголовый человек на планете.

– Ты еще не догадался, что все это большой рекламный трюк, сынок?

– Я не вполне понимаю, что вы хотите сказать.

– Я хочу сказать, что все члены Оргкомитета также и члены Торговой палаты Дугласа и его окрестностей. Сеньор Хуэрта приехал получить помощь в поисках сына, и вот мэр

¹⁹ Имеется в виду Рудольфо Валентино – знаменитый американский актер, звезда немого кино.

и его Палата сварганили Большую экспедицию к апачам. А правда в том, что им куда важнее разрекламировать город Дуглас, чем найти мальчишку. Он – просто приманка. Наш край здорово пострадал от Депрессии, особенно после того, как в прошлом году закрылся медный рудник. Палата надеется привлечь большие деньги из других частей страны, людей, которые могут вложиться в добычу меди, владельцев ранчо, ну и тому подобное. Так что сам видишь: экспедиция – это только повод отвезти кучу богачей на охоту и рыбалку в Сьерра-Мадре. И, если уж очень повезет, они к тому же пальнут пару раз по апачам.

В зал быстрой походкой вошел мужчина с репортерским блокнотом в руке.

– Так, малыш, приготовься, – шепнул мне Джексон. – Вот он. – Он помахал рукой мужчине. – Привет, Билл, тебе тут надо кое с кем познакомиться. Нед, это Билл Кэрри, достойнейший главный редактор «Дуглас Дейли Диспетч». Билл, это Нед Джайлс. Нед работал с моим старым другом Джерри Мэкки в «Омаха Дейли Стар», а сейчас снимает для «Чикаго Трибьюн».

Билл Кэрри пожал мне руку.

– Вы на вид слишком молодой, чтобы работать для газеты такого крупного города, юноша, – сказал он.

– Правильнее сказать – из молодых да ранних, Билл, – вклинился Большой Уэйд. – У парня настоящий талант. Я только сегодня узнал, что Нед приехал, и сразу же связался

с ним. Думаю, может, он поработает за меня, пока я буду в Мексике с экспедицией. Не то чтобы я уж такой незаменимый, но тебе понадобится хоть кто-то на мое место. Нед здорово насобачился писать, все свои снимки для «Триб» сам подписывает. Конечно, он еще не сказал «да», но ведь и «нет» тоже пока не сказал. Нам повезет, если уговорим его, все-таки чикагский репортер. И я буду чувствовать себя в поездке куда спокойнее.

Билл Кэрри рассмеялся.

– С чего вдруг такой из молодых да ранних фотокорреспондент, работающий для «Чикаго Трибьюн», станет впрягаться для нашей газетенки? – спросил он меня.

Я никогда не умел толком врать, но все-таки смог спокойно посмотреть на него.

– Знаете, сэр, Большой Уэйд помог мне получить первую работу в журналистике, – сказал я, – и я чувствую себя ему обязанным. – Я решил, что это, скорее, некое забегание вперед, а не грубое вранье.

– А могли бы вы поработать на нас, – с просил Билл Кэрри, – одновременно снимая для «Чикаго Трибьюн»?

– Да, сэр, а почему бы и нет? Я ведь там пока не в штате. Я фрилансер, – и снова это не было грубой ложью. – По-моему, я могу работать где хочу.

Кэрри ненадолго задумался.

– А может быть, вы, молодой человек, хотите поехать в Мексику, а не просиживать штаны в Дугласе?

– Что ж, сэр, конечно, хочу, – заверил его я. – Но я так понял, что в экспедицию едет Большой Уэйд.

– Черт побери, Большой Уэйд не хочет никуда ехать, – сказал Кэрри. – Он с самого начала пытался увильнуть. – Он повернулся к Уэйду: – Джексон, ты что, и вправду решил, что я позволю этому молодому парнишке освещать школьные собрания, а старого толстого больного бульдога вроде тебя пошлю делать историю?

И хотя именно этого он и добивался, Большого Уэйда, казалось, слова редактора обескуражили.

– Да нет, Билл, – тихо сказал он. – На самом деле я так не думал.

– Господи Иисусе, это потрясающе, – с казал Кэрри, – именно то, на что мы надеялись. Национальное освещение Большой экспедиции к апачам. И время самое подходящее. Я прямо сейчас мэру расскажу. Он, наверно, захочет сегодня объявить, что с нами в экспедицию отправится корреспондент «Чикаго Трибьюн». Мы потом потолкуем, молодой человек. Очень приятно было познакомиться.

Уэйд Джексон проследил взглядом за тем, как его главный редактор суетливо подбежал к столу президиума, чтобы поделиться новостью с мэром. Потом задумчиво кивнул головой.

– Видал, как все просто, сынок? – спросил он вполголоса. – Теперь Кэрри считает, что все это он сам придумал. Я же говорил: один из самых тупоголовых на земле.

Мэр Э. Дж. Карджилл был жизнерадостным живчиком с розовым, словно у младенца, круглым лицом. Его маленький рот, казалось, все время расплывался в заискивающей улыбке. Сейчас за столом президиума он конфиденциально что-то обсуждал со своими коллегами, посмеиваясь и то и дело шепча им что-то на ухо. Особенно слащаво он демонстрировал свою симпатию к сеньору Хуэрте. Мэр – политик до мозга костей. Наконец он занял свое место на трибуне в центре стола президиума, бойко постучал молоточком и стал ждать, пока в зале установится тишина.

– Леди и джентльмены, – начал он. – Сегодня наступил исторический момент для славного города Дугласа и всего нашего великого народа. – В битком набитом зале было жарко, и мэр промокнул платком капельки пота на верхней губе. – Большинству из вас известна история несчастного маленького Джералдо Хуэрты, так грубо оторванного в нежном возрасте трех лет от родной семьи кровавыми индейцами апачами. Во время похищения была убита мать мальчика. – Он помолчал, плотно сжав губы. Потом продолжил: – Рядом со мной сидит отец маленького Джералдо, сеньор Фернандо Хуэрта, – он повернулся и жестом показал на мужчину, – к оторый пришел попросить отважных жителей Дугласа помочь ему спасти любимого сына. – Мэр на мгновение склонил голову, будто в беззвучной молитве. – Многие, особенно

из пожилых людей еще помнят апачские войны ²⁰, – продолжил мэр, понизив голос. – Не так уж давно это было, и у них перед глазами все еще стоят жуткие зверства, которые безбожные дикари учиняли с богобоязненными жителями нашего прекрасного города. Но в конце концов мы их искоренили, верно? С большинством мы расправились, многих посадили в тюрьму, а оставшихся отправили жить в резервации, где им самое место. – Тут мэр снова повернулся к Хуэрте. – И сейчас, сэр, я думаю, что от имени всех жителей нашего прекрасного Дугласа я могу пообещать, что мы не останемся в стороне, пока ваш мальчик не окажется на свободе. Мы не станем отдыхать, пока в Сьерра-Мадре останется хотя бы один дикарь, а ваш сын не вернется к вам в объятия. Ведь правда, джентльмены?

Аудитория разразилась аплодисментами и одобрительными свистками.

– Да, правда, – с казал мэр, хлопая пухлыми ладонями. – Истинная правда! Жители Дугласа сказали свое слово. Всем большое спасибо!

Мэр подождал, пока зал успокоится, и продолжил:

– Сегодня мне выпала большая честь официально объявить о героической совместной мексиканско-американской экспедиции в дебри Мексики в целях спасения маленького

²⁰ *Апачские войны* – серия вооруженных конфликтов между США и племенами индейцев-апачей на юго-западе страны с 1849 по 1886 г., кое-где стычки продолжались до 1924 г. В результате большинство апачей были истреблены, а уцелевшие насильно переселены в резервации.

Джералдо. Я предсказываю, что в далеком будущем ваши внуки и правнуки будут читать о славной Большой экспедиции к апачам в школьных учебниках по американской истории. – Мэр снова замолчал и с выжидательной улыбкой посмотрел на собравшихся, давая им понять, что пора снова аплодировать. Что они и сделали.

– Спасибо, большое всем вам спасибо, – сказал он. – А теперь, прежде чем я расскажу вам все подробности этого увлекательного предприятия, позвольте представить вам командира нашей экспедиции полковника Эрменгильдо Каррильо! – с этими словами сияющий мэр повернулся к полковнику, сидевшему справа от него.

Полковник Каррильо встал, поклонился приветствующей его публике, потом поднял руку, помахал ею и величественным жестом прижал к груди. Это был стройный элегантный мужчина, в великолепно сидевшем на его подтянутой фигуре мундире, с золотыми эполетами и множеством медалей на груди. Его подстриженные в ниточку усы и напомаженные волосы и впрямь вызвали в памяти немые фильмы с участием Рудольфо Валентино.

– Спасибо, полковник, спасибо, – проговорил мэр. Его щеки покраснелись, он беззвучно хлопнул пальцами одной руки по ладони второй. – Да хранит Господь вас и ваших храбрецов.

– Разумеется, – продолжал мэр, после того как полковник вернулся на свое место, а публика успокоилась, – многие из

вас видели висящие в разных местах города объявления. А вот чего вы не знаете, это того, что наш Оргкомитет в течение последних нескольких месяцев разослал по почте объявления в двадцать элитарных мужских клубов в крупнейших городах страны. В ответ мы получили десятки писем и более ста шестидесяти заявлений на участие в Большой экспедиции к апачам от потенциальных добровольцев со всей страны. Позвольте мне зачитать вам отрывки из одного-двух наиболее типичных писем, что мы получили в ответ на наши почтовые запросы. – Мэр прочистил горло. – Вот, например, что нам прислал доктор Р. Дж. Девенпорта из «Денвер Кантри Клуб», Колорадо: «Уважаемые господа, если вы намереваетесь вскорости выступить против этих индейцев, для меня будет большой честью присоединиться к вам. Мне доводилось охотиться на крупных животных в Африке и в различных областях Америки, однако я уверен, что стрельба в апачей доставит мне больше острых ощущений, чем в любое животное, на которое я охотился прежде», – мэр посмотрел в зал, поднял брови и сдержанно улыбнулся. – Ценю силу вашего духа, доктор, – он протаранил кулаком воздух и вскрыл следующее письмо. – Это от Эллсуорта К. Дрейзи из Дуайта, Иллинойс, – продолжал он: – «Найдется ли в вашей экспедиции место для парня, участвовавшего в двух кампаниях морской пехоты и в одной флотской? Я никогда не сражался с индейцами, зато ловил шпионов по всему Гаити и Никарагуа, а также участвовал в высадке и оккупации Веракру-

са. Думаю, у меня хватит сноровки для охоты на этих пернатых», – при этих словах полковник Каррильо бросил на мэра полный изумления взгляд, но тот, казалось, не обратил на попахивающее расизмом определение никакого внимания. – Ну разве же это не замечательно? В какой же великой стране мы живем, если невзгоды маленького мальчика затронули чувствительные струны в сердцах жителей по всей стране! – Он замолчал и склонил голову – казалось, переполняющие душу эмоции не дают ему говорить.

Наконец мэр собрался с силами и продолжил:

– Позвольте мне заверить прекрасных жителей Дугласа, что предстоит отнюдь не поход солдат удачи, что люди, которых мы отбираем для экспедиции, обладают высокими душевными качествами и достойны всяческого доверия. Как многие из вас, без сомнения, читали в газете «Дуглас Дейли Диспетч», мы набираем молодых людей из самых достойных семей Америки. Многие наши добровольцы уже начали прибывать, и я хочу воспользоваться случаем и поприветствовать их в нашем прекрасном городе. – Мэр внимательно осмотрел зал. – Мне кажется, я вижу среди присутствующих мистера Толберта Филлипса-младшего, «Железные дороги Филлипсов» из Филадельфии, Пенсильвания. Мистер Филлипс, не могли бы вы встать и поклониться?

Всем своим видом показывая, что ему не в новинку роль знаменитости, Толли Филлипс встал и с сияющей улыбкой помахал толпе – взад-вперед, будто папа римский.

– По предложению Оргкомитета, – продолжал мэр, – мистер Филлипс привез с собой охотничьих лошадей. Так же поступили и другие наши именитые гости. А полковник Каррильо, прирожденный всадник, сформировал внутри экспедиции кавалерийский отряд. Несмотря на серьезность нашей миссии и суровые тренировки, которым будут посвящены несколько недель, мы организуем также увлекательные развлечения. Например, в оставшееся до начала экспедиции время состоятся матчи поло и соревнования родео между американцами и солдатами мексиканской армии. Это будет захватывающе интересно, все мы будем болеть за участников.

– Я уверен, – продолжил мэр, интимно понизив голос, – многие заметили, насколько интенсивнее стало воздушное движение над нашим городом. Это потому, что многие из добровольцев прибывают на собственных самолетах. Да, вы не ослышались. И полковник Каррильо уже сформировал авиационный отряд из тех, кто желает не ехать, не идти, а лететь в Мексику.

Уэйд Джексон оставил камеру и бочком подобрался ко мне.

– Бог ты мой! Разве не чудеса, – злорадно зашептал он, – кучка богатеев на охотничьих лошадках скачет за апачами в Сьерра-Мадре! Или летит на собственных самолетах. Слишком хорошо, чтобы быть гребаной правдой. Ты мэра снял, сынок? Безнадежный трепач.

– Снял, Большой Уэйд, – шепотом ответил я.

– И вот еще немного великолепных новостей, – услышался вновь голос мэра. – Их только что сообщил мне мистер Билл Кэрри, главный редактор «Дуглас Дейли Диспетч». Нам невероятно повезло: сегодня в этом зале находится молодой фотожурналист по имени Нед Джайлс, который приехал в Дуглас по особому поручению «Чикаго Трибьюн».

– Ох, нет! – пробормотал я.

– Крючок и наживка, – шепнул Большой Уэйд.

– Нед будет сопровождать наших ребят в Сьерра-Мадре как официальный фотограф экспедиции, – с казал мэр. – Нед Джайлс, пожалуйста, покажитесь нам.

– Ну вот, сынок, – сказал Большой Уэйд и громко захлопал в ладоши. – Я чувствую себя гордым папашей.

Я поднял обе руки и с грехом пополам помахал радостно аплодирующему залу. Не смог удержаться и оглянулся на Толли. Вид у него был совершенно ошарашенный.

Собрание закончилось, и, пока мы с Большим Уэйдом сворачивали наши камеры, к нам подошли мэр Карджилл и члены Торговой палаты.

– Счастливы, что вы с нами, молодой человек, – с казал мэр. – Позвольте познакомить вас с членами нашего Оргкомитета. Это Рекс Райс, от отвечает за отправку. Рекс – крупнейший агент по недвижимости нашего города.

Райс был приятный улыбчивый человек, одетый в нарядный синий блейзер и галстук-бабочку.

– Приятно познакомиться, молодой человек, – с казал он. – Если вы найдете возможность упомянуть в своих статьях, что в окрестностях Дугласа продаются великолепные участки под ранчо, я буду вам весьма признателен.

Кругленький очкарик в подтяжках сделал шаг вперед.

– Я – Т. Т. Шофилд, – назвался он, пожимая мне руку.

– Т. Т. у нас отвечает за экипировку, – пояснил мэр, – он – управляющий нашего местного «Джи-Эс-Пенни»²¹. А это – шеф полиции Лесли Гетлин, – продолжил представление мэр, – он отвечает за персонал.

Начальник полиции окинул меня острым пронизательным взглядом маленьких глазок.

– Не сердись на то, что я скажу, сынок, – сказал он и тряс мою руку намного дольше, чем это было необходимо, – но с виду ты слишком зеленый, чтобы работать на национальную газету.

Тут до меня дошло, что один-единственный звонок в «Чикаго Трибьюн» изобличит меня как лжеца.

– Я всего-навсего фрилансер, сэр, – ответил я, пожимая ему руку в ответ. – Официально я на них не работаю.

– Даже крупные газеты в наши дни сокращают штат, шеф, – сказал Большой Уэйд. – И спользовать молодых голодных внештатников, таких как Нед, гораздо дешевле.

Тут к нам подошел Толли Филлипс, и я возблагодарил

²¹ «Джи-Эс-пенни» (*JCPenney*) – сетевой супермаркет (ныне гипермаркет), основанный в 1902 г.

небеса, что его появление отвлекло внимание от меня. Мэр подобострастно представил его, мистер Райс предложил показать Толли участки под ранчо, Т. Т. Шофилд пригласил наведаться в «Джей-Си-Пенни», если он недостаточно экипирован для экспедиции в Сьерра-Мадре. Настала очередь шефа полиции, и он с отвращением смерил Толли взглядом с головы до ног.

– Готовы отправиться к апачам, верно, мистер Филлипс?

Каким бы слюнтяем ни был Толли, но самообладания ему было не занимать. Я не раз наблюдал это у детей из богатых семей, выросших с безопасности и уверенности, что весь мир работает на них. Он проигнорировал откровенный сарказм Гетлина и невозмутимо сказал:

– Раз вы отвечаете за персонал, с вами-то мне и нужно поговорить.

– Чем могу служить, мистер Филлипс? – спросил Гетлин.

– Мне хотелось бы, чтобы мне подыскали камердинера, – проговорил Толли. – Желательно, чтобы вы присылали ко мне кандидатов на собеседование.

– Думаю, я могу это устроить, сэр, – ответил шеф полиции, явно оскорбленный тоном, каким говорил Толли. – Хотя, боюсь, что с опытными камердинерами могут возникнуть трудности.

– Опыт работы не так важен, шеф, – улыбнулся Толли. – Я вполне способен сам вышколить камердинера.

– Слушайте, некоторые из членов Комитета собираются

сегодня перейти границу для дружеских возлияний. Кантина «Примарозас», – явно нервничая, проговорил мэр. – Не присоединитесь ли к нам, джентльмены? – И он увлек своих спутников прочь.

– Зачем вы это сделали, Толли? – спросил я.

– Вы слышали, как он со мной говорил, Джэйлс, – отозвался Толли. – Он прямо-таки плевался ядом. Я просто использовал тот рычаг, который и представляет собой мое имя. Пришлось напомнить ему, что я – его наниматель. Это всегда приводит в ярость таких людей, как Гетлин.

Я познакомил Толли с Уэйдом Джексоном.

– Если ты позволишь дать тебе совет, сынок, – обратился Уэйд к Толли, – мэр наш – человек безвредный. Однако плевать я хотел, кто твой отец и сколько у вас денег, но не бодайся ты с шефом Гетлином. Он ловкий и злобный, как гадюка.

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Джексон, – ответил Толли. – Я это учту.

– А теперь извините меня, парни, – объявил Большой Уэйд. – Сегодня я отправляюсь к югу от границы. У меня свидание с бутылочкой мескаля и хорошенькой сеньоритой. К работе в газете приступишь через пару дней, сынок, – обратился он ко мне. – Покажу, что к чему, и научу работать с «лейкой».

– Мне он понравился, – сказал Толли, наблюдая, как Большой Уэйд ковыляет прочь. – А вы, старина, не пропадете.

Что это за сказки про «Чикаго Трибьюн»? Слушайте, еще час назад мы обсуждали, не пойти ли вам ко мне камердинером.

– Это вы рассуждали, не пойти ли мне к вам камердинером, Толли, – возразил я. – Разве я не говорил вам, что собираюсь устроиться в экспедицию фотографом?

– А и правда, Джайлс, – огласился Толли. – У ж не знаю, как вы ухитрились, но это требуется отметить. Позвольте мне угостить вас выпивкой в «Лас Приморозас». Кстати, старина, знаете, что это значит по-испански?

– Нет.

Толли с загадочным видом приподнял брови.

– «Красивые девушки»!

– Я думал, девушки вам не нравятся, Толли.

– Ни одну и пальцем не трону. Однако как знать, какие еще возможности для любви могут мелькнуть среди темных теней старушки-Мексики?

Шагая рядом с Толли по узкой грязной главной улице Агуа-Преты, я вдруг осознал, что впервые в жизни оказался за границей Соединенных Штатов. И хотя мы отошли примерно на сотню ярдов от границы, я явственно ощущал, что попал в другую страну. Был вечер пятницы, толпа на улице торговала всем чем угодно: едой, выпивкой, сексом, петушиными боями. Мелькали индейцы в ярких национальных костюмах, нищие, многие из них больные и увечные, бродили тощие собаки и беспризорные дети. На каждом шагу по-

падались бары, кантины, танцевальные залы. Из распахнутых несмотря на холод дверей лилась традиционная мексиканская музыка мариачи, доносились теплые запахи духов и смеси табачного дыма с текилой.

Сбоку к нам прилип какой-то мальчишка.

– Эй, гринго! – по-английски зашептал он. – Хотите бордель? Девочки красивые.

– Не сегодня, молодой человек, – отозвался Толли. – Может быть, в другой раз.

Однако мальчишка продолжал тащиться за нами.

– Желаете посмотреть, как сеньорита занимается любовью с ослом? – спросил он.

Толли остановился и, похоже, призадумался.

– Гм-мм... С ослом, а?

Мальчишка вцепился в его рукав.

– Вся из себя! – шепнул он. – Ну так как, чуваки, хотите?

– Это пока слова, молодой человек, – засомневался Толли.

– Говорите за себя, Толли, – сказал я. – Я иду в «Лас Приморозас».

– Увы, в другой раз, чувачок, – сказал Толли мальчишке. – Сейчас нам необходимо освежиться.

– Всего за один американский доллар, – не отставал тот, – я отведу вас в «Лас Приморозас».

– Мы сами найдем, спасибо, мальчик, – сказал я.

– Всего за один американский доллар я вам весь город покажу, – продолжал мальчишка и для убедительности широко

махнул рукой.

– Ах ты предприимчивый маленький мерзавец! – проговорил Толли. – Дам я тебе доллар, только оставь нас в покое.

Мальчишка выпустил его руку.

Толли выудил из бумажника доллар и вручил ему.

– Следуйте за мной, сеньоры, – пригласил мальчишка, – я отведу вас в «Лас Приморозас».

– Эй, погоди-ка, – запротестовал Толли. – Мы, кажется, заключили сделку.

– Как тебя зовут, мальчик, – спросил я.

– Хесус, – ответил он.

– Показывай дорогу, Хесус.

Из дверей «Лас Приморозас» лился мягкий желтый свет. В темных, отполированных до блеска деревянных полах отражался свет свечей и газовых светильников. В дальнем конце зала брэнчала группа, исполнявшая мариачи, несколько пар танцевали. Американцев среди них было совсем мало. Все остальные сидели за столиками и пили с мексиканскими девками в ярких платьях с голыми плечами, огромными вырезами и с яркими цветами в волосах. Я помахал Уэйду Джексону, который сидел с красивой мексиканкой в полутьме у барной стойки.

Мы заняли столик в углу, заказали пиво и по рюмке мескаля. Когда принесли напитки, Толли приподнял бокал:

– Ну, Джайлс, за вашу новую работу.

– А еще знаете, за что, Толли? – спросил его я.

– За что?

– Сегодня у меня день рождения.

– Черт возьми, почему вы раньше не сказали, старина? – возмутился Толли. – Это надо как следует отпраздновать! Хотя, подозреваю, в этом заведении вряд ли найдется французское шампанское.

– Да не нужно мне шампанского, Толли. Зато я хочу кое о чем вас попросить.

– Все, что пожелаете, амиго.

– Перестаньте называть меня «старина». Я ведь моложе вас.

– Это просто выражение такое, Джайлс, – изобразил обиду Толли. – Сейчас все в аудиториях Лиги Плюща так говорят. Вы читали «Гетсби»?

– Да, но Фитцджеральд употребляет его иронически.

– О, Бога ради, Джайлс, – сказал Толли, – не читайте мне лекцию об иронии у Фитцджеральда. Я специализируюсь по англоязычной литературе, знаете ли. – Он поднял свой стакан. – Ладно, за вас, старина. С днем рождения и вся такая фигня. И поздравления с новой должностью.

Я одним глотком опорожнил свою рюмку, так, как дома научился пить виски. Мескаль я попробовал впервые и сразу почувствовал, как яростный огонь опалил мне горло, рухнул в желудок и уже оттуда принялся прожигать путь к мозгу. Подумать только, еще несколько часов назад я был жалок, как никогда в жизни, я так жалел себя, что чуть не бросил

все и не повернул назад в Чикаго. И вот у меня есть работа фотографа, сегодня мне исполняется семнадцать, я сижу за столиком в углу мексиканской кантины, а вокруг меня экзотический новый мир – звуки, свет, краски, запахи. Я слушаю, как музыканты наигрывают мариачи, смотрю на танцующие пары, на мужчин, смеющихся у стойки.

К нашему столику подошли две девицы, придвинули себе стулья и уселись.

– Наше знакомство долго не продлится, моя радость, – обратился Толли к той, что села рядом с ним, – разве что у тебя есть брат.

Девушка рядом со мной оказалась по-настоящему хорошенькой. Круглое лицо, высокие скулы, смуглая кожа, блестящие черные зачесанные назад волосы и огромные черные глаза, в которых поблескивали огоньки свечей. Она склонилась ко мне, и локтем я почувствовал, какая мягкая у нее грудь... пахло от нее цветами. Девушка что-то прошептала по-испански.

– Боюсь, я не говорю по-испански, – сказал я. – Но готов научиться.

– За пять долларов я сделаю вас очень счастливым, – повторила девушка по-английски.

Я должен кое в чем признаться: я никогда еще не был с девушкой... ну, вот так не был. Мы с Энни много раз об этом говорили, но она хотела подождать до свадьбы, и поэтому мы только целовались, ну и немного трогали друг друга. И

хотя кое-кто из моих товарищей по университету нередко ходил в квартал красных фонарей в Чикаго, меня никогда не привлекала мысль платить девушке за любовь. Возможно, я просто ханжа. И вот теперь я вдруг невероятно смутился.

– Может, потанцуем? – Я вскочил со стула и подал ей руку.

Я мог бы догадаться, что те танцы, которые я научился танцевать дома, как и все остальное из моей «прежней жизни», никак не годились для этой музыки. Но я любил танцевать и хотел научиться. Музыканты, не прекращая играть, качали головами и посмеивались над моими попытками повторять движения, которые делала девушка.

– Эй, похоже, я начинаю привыкать, – сказал я.

Девушка смеялась и переложила мои руки, чтобы прижаться теснее. Я чувствовал исходящее от ее тела тепло, оно меня обволакивало, словно ласковый весенний ветерок.

– Да, я определенно начинаю привыкать. А ты?

Девушка остановилась, и я почувствовал, как она крепко сжала мою руку.

– Я здесь новенькая, – сказала она. – Если никто не пойдет со мной в комнату, патрон меня выгонит. Вы не хотите пойти со мной, когда кончится эта песня? За пять долларов я сделаю вас счастливым.

Вот так и вышло, что, когда танец кончился, я вслед за девушкой вышел в заднюю дверь кантины, которая вела во двор. В дальнем углу его находился приземистый глинобитный домишко, в который вели несколько выкрашенных в

разные цвета дверей. Девушка провела меня через желтую дверь в крошечную комнату, где на зеленом деревянном столе горела изрядно коптившая масляная лампа. В ее тусклом свете я едва смог разглядеть узкую железную кровать с тонким соломенным, застеленным грубым шерстяным одеялом матрасом и бугристой подушкой в поношенной наволочке. Не самая романтичная обстановка. Девушка села на кровать и жестом пригласила меня сесть рядом.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, – сказал я.

– Магдалена.

– Очень красивое имя. А меня – Нед.

– Вы должны сейчас дать мне пять долларов, Нед, – проговорила девушка. – Я пойду отдам их патрону, а потом вернусь.

– Хорошо.

Я вручил ей пятидолларовую банкноту и остался сидеть на кровати в одиночестве. Когда Магдалена вернулась, я подошел к ней, встал позади нее и принялся расстегивать крючки на платье. Я чувствовал себя неловко и тронул ее за плечо.

– Слушай, все в порядке. Давай посидим поговорим минутку. А потом, быть может, вернемся и еще потанцуем.

– Вы считаете меня некрасивой?

– Конечно, нет. Я читаю, что ты очень красивая, – заверил ее я. – Мне просто хочется сначала немного поговорить. Откуда ты так хорошо знаешь английский, Магдалена?

Мы снова уселись рядышком на кровать и начали болтать. И почти сразу она вновь из шлюхи превратилась в девушку. А я вновь превратился из покупателя в обычного парня. А еще чуть позже мы стали просто двумя болтающими подростками.

Она рассказала мне, что выросла в крошечной деревне близ Бависпе в Соноре. Рассказала, что ее родители – пеоны²² на гасиенде²³, владельцы которой большую часть времени проводят в Париже, а это, как она торжественно объявила, большой заморский город. Они уцелели, когда в 1913 году их гасиенду захватил Панчо Вилья²⁴, потому что пережидали революцию за границей, а в 1920 году президент Обрегон восстановил их право собственности, хотя и ограничил по новым законам размеры владений.

Однако они – очень важные для страны землевладельцы, и поэтому после революции постепенно размеры их владений вновь увеличились. Нынешний хозяин – сын предыдущих; он вернулся из Парижа, поселился на гасиенде вместе с женой-француженкой и продолжает семейное дело. Кроме этого, девушка рассказала мне, что у нее трое братьев и четыре сестры. Отец ее работает деревенским кузнецом, а мать

²² Пеон – распространенное в Латинской Америке название батрака.

²³ Гасиенда (*асьенда*) – крупное частное поместье в Латинской Америке, на котором работают пеоны. Владельцев гасиенды называют гасиендадос.

²⁴ Панчо Вилья (*Вилья Франсиско*) – один из лидеров Мексиканской революции 1910–1917 гг.

– прислуга в господском доме. Она с малолетства помогала матери и именно там, благодаря доброте хозяев, научилась говорить по-английски и по-французски. Работы на гасиенде для всех детей пеонов не хватает, поэтому девушки, достигнув определенного возраста, должны выйти замуж или отправляться в один из приграничных городов искать работу. В один прекрасный день к ним пришел падре, и родители сказали ей собрать вещи, потому что падре нашел для нее хорошую работу. Падре забрал ее с собой и привез сюда, в «Лас Приморозас». Деньги перешли из рук в руки. Конечно же, родители не знают, чем она должна заниматься в приграничном городке, а Магдалена им ни за что не скажет. Таким же образом за несколько лет священник привез сюда много деревенских девушек, которых заставляет молчать собственный стыд. Магдалена рассказала, что находится здесь всего несколько недель и боится, что хозяин выгонит ее, потому что она приносит гораздо меньше денег, чем более опытные девушки.

– О, я уверен, что у тебя все получится, – сказал я и только потом понял, как глупо это прозвучало: как будто мы обсуждали танец. – Ты ведь по-настоящему красивая.

Она задула лампу и поцеловала меня в щеку.

– Спасибо. Вы уверены, что не хотите лечь со мной?

– Нет, все отлично. Может быть, в другой раз. – Я дал ей еще пять долларов, чтобы она оставила их себе.

– Не думайте, что я не видел, как вы ускользнули с этой малышкой, – сказал Толли, когда я вернулся к нашему столику. – Черт возьми, Джайлс, вы времени даром не теряете.

– Она не шлюха, – с казал я. – Она славная девочка. Мы просто поболтали.

– Не шлюха? – Толли посмотрел недоверчиво. – Просто поболтали? Бог ты мой, неужели вы хотите сказать, старина, что не сделали свои грязные делишки? – Он от души рассмеялся. – Ну, вы еще наивнее, чем я предполагал. И пари держу, что вы ей заплатили.

– Заплатил, правда, – ответил я. – Дважды. Знаете, Толли, вы росли в богатой семье, у вас всегда было все, чего вы хотели. Вы, наверное, и не подозреваете, что некоторым приходится делать то, чего им совсем не хочется, чтобы прокормиться.

– Ну разве это не чудесно? – продолжал насмехаться Толли. – Юный мастер Джайлс спасает барышню в беде. Однако избавьте меня от поучений, прошу вас. У каждого свой крест, даже у детей из богатых семей, например у меня.

Выпив еще по паре рюмок мескаля, мы с Толли вышли из кантины и направились назад, в Дуглас. День выдался длинным, я страшно устал и как-то внезапно сильно опьянел. В холодном ночном воздухе над горами вставала луна, в ее бледном свете мескистовые деревья и пышные кусты отбрасывали на пустыню тонкие черные тени. В спину нам светили желтые огни Агуа-Преты, а впереди были на луну койоты, и

их высокие дребезжащие рулады причудливо переплетались с доносившейся из многочисленных заведений музыкальной какофонией.

Нетвердой походкой возвращался я в гостиницу со странным, головокружительным, пьянящим чувством того, что этой ночью дверка в детство навсегда захлопнулась за моей спиной и что ничто никогда уже не будет прежним.

La niña bronca

Билли Флауэрс отвернулся и принялся искать в седельной сумке рубашку, чтобы прикрыть наготу маленькой язычницы. Потом снова повернулся, чтобы посмотреть, отчего вдруг взволновались, начали скулить и рваться с цепей собаки, и обнаружил, что она исчезла. Он не видел ее саму, не слышал звука ее шагов, ни шороха изорванного платья, которое мятой кучкой лежало на траве, словно она просто-напросто растворилась внутри него.

На какое-то мгновение, которое, правда, быстро прошло, он вообразил, что она – бесплотный дух. Но Билли Флауэрс не слишком верил в сверхъестественное, он придерживался представления о том, что за души людей сражаются Бог и Сатана.

То, как стояли собаки, подсказало Билли, в каком направлении скрылась девочка. Он внимательно посмотрел в ту сторону, стараясь уловить взглядом малейшее движение на скалах над рекой, нет, даже малейшее напоминание о движении. Этого оказалось достаточно. Он подумал было спустить собак, однако отказался от этой мысли, потому что знал: если собаки настигнут девочку, то непременно загрызут, и тогда он сам станет убийцей. Вместо этого он взял конец цепи, на которой сидела некрупная пятнистая сучка по кличке Квинни, и пристегнул к своему ремню. Потом нахло-

нился, подобрал лохмотья платья и сунул собаке под нос. «Ну, Квинни, теперь ты мне выследишь девчонку», – пробормотал Билли. Он обмотал конец цепи вокруг луки седла и посадил собаку. Она повертелась, устраиваясь поудобнее. Иоанн Креститель, давно привыкший к собакам на своей спине, даже не вздрогнул. Флауэрс взгромоздился в седло позади Квинни.

Билли понимал, что, имея фору, девочка легко убежит от него пешего. Не собирался он преследовать ее и по скалам, явно непроходимым для мула. Вместо этого он проехал вдоль реки до первого же арройо, сбегавшего вниз с холма. Здесь он остановился.

Иоанн Креститель был лучшим мулом в жизни Билли Флауэрса. Казалось, он понимал, куда они направляются, даже раньше хозяина и всегда выбирал наилучший путь к цели. Сильная и выносливая животино отлично знала предел своих возможностей и шла так далеко и так быстро, как только позволял инстинкт самосохранения, причем иной раз гораздо дальше и быстрее, чем мог ожидать Билли Флауэрс. Кроме того, мул всегда и с полной определенностью давал хозяину понять, что дальше идти не может. Флауэрс уважал мнение Иоанна Крестителя и никогда не понуждал его делать то, от чего животное отказывалось.

Там, где арройо взбирался на хребет, ступени оказались очень крутыми; мул тяжело дышал и мелко перебирал копытами, стараясь не поскользнуться и не съехать вниз на кру-

пе. Билли Флауэрс пригнулся к самой шее умного животного, буквально распластав под собой собаку и думая лишь о том, чтобы как можно равномернее распределять свой вес. «Иоанн хороший мальчик, – нежно, словно отец, шептал он в ухо мулу, – мой хороший, постарайся, да, мой Иоанн».

На последних шажках собачья цепь плотно опутала мулу, как кольчуга средневекового рыцаря. Иоанн Креститель достиг подножия хребта, сделал несколько мелких шажков и остановился. Бока животного тяжело вздымались. «Отлично сработано, мой мальчик, – приговаривал Билли Флауэрс, глядя кожаную шею. – А теперь ты останешься здесь». Он сбросил на землю Квинни, спешился сам, спутал мулу передние ноги, отвязал от луки седла лассо, взял в руки кнут. «Подожди нас здесь, Иоанн, мы скоро вернемся вместе с маленькой язычницей». Охваченный охотничьим азартом, который не угасал в нем вот уже более шестидесяти лет, Билли Флауэрс даже не остановился, чтобы спросить себя самого: почему ему так важно изловить девочку?

Флауэрс понимал, что находится выше по склону, чем она, что она, вероятно, двинется в сторону, в скалы, ища расщелину или пещеру, в которой можно спрятаться. Он не думал, что она устремится напрямиком вверх, наоборот, был уверен, что она попытается найти место, где можно залечь, не опасаясь собак, чтобы прислушаться и понять, гонятся ли они за нею. Дичь не станет бежать, если ее не преследуют – вот главный закон охоты. Если он погонится за ней снизу или ес-

ли она услышит собак, она, конечно, станет карабкаться наверх. Так или иначе, Билли считал, что предугадал ее дальнейшие действия и вынудил искать убежище, к чему толкает каждого зверя инстинкт самосохранения. Прежде чем двигаться дальше, она дождется темноты, а значит, у него есть целых два часа до сумерек, чтобы найти ее.

Девочка, скорчившись в небольшой пещерке, припала в земле и слушала. Она слышала лай собак, однако они, по-видимому, остались там, где их привязали, потому что звук не приближался. Она слышала осторожное цоканье копыт мула, когда он взбирался по арройо; когда хребет остался позади, от топота копыт земля дрожала и эту вибрацию она чувствовала в своем убежище каждой косточкой. Она слышала позвякивание цепи, звук, который связан с собаками. Из всего этого она поняла, что старик белоглазый гонится за нею, что он проехал вдоль реки до склона, а теперь спешил и с ним по крайней мере одна собака.

Она теперь голая, однако на ней остались мокасины и матерчатая набедренная повязка, прикрывающая срам. Свой и так скудный запас корешков она потеряла. Она понимала, что ночь нужно переждать здесь, пещерка совсем небольшая и хорошо защищенная, но будет очень холодно. Она не боялась, что старик белоглазый найдет ее, по крайней мере не раньше, чем совсем стемнеет. На скалах почти не остается следов, а небольшой клочок песка и мелких камешков перед

самым входом в пещерку она тщательно заровняла. Однако рано или поздно собака ее отыщет. А вот если она останется тут на ночь, то может совсем окоченеть, ведь укрыться-то нечем. Вот об этом она размышляла.

В пещерке сильно пахло кошачьей мочой, рядом с собой девочка нащупала небольшую кучку помета, значит, здесь пряталась перед окотом пума, а помет оставил ее детеныш. Девочка была почти уверена, что сегодня пума в свое логово не вернется, гораздо больше ее страшило, что прямо сейчас появится старик белоглазый. Донельзя изможденная, она, как смогла, вытянулась на полу пещерки. И уснула.

Индио Хуан, так его звали – человека, который однажды и навсегда навел мексиканцев на земли Людей. Он страдал змеиной болезнью, безумием, и лицо его было страшно изуродовано, а все потому, что, когда он был маленький, его ужалила в подбородок гремучая змея. Это Индио Хуан бесстрашно врывался верхом на коне во главе своих воинов в крошечные горные городки и кричал на всем скаку: «Я Индио Хуан!» Это он смеялся, глядя, как, вопя, разбегаются кто куда перепуганные горожане, а потом его люди убивали всех поголовно, и города пустели.

Это была идея Индио Хуана – похитить сына Хуэрты, хотя дед девочки, белый апач по имени Чарли, старался отговорить его. Хуэрта – богатая и влиятельная семья, и дед понимал, что ничего хорошего из похищения не выйдет, а мекси-

канцы только पुше разозлятся. Они с Хуаном громко ссорились из-за этого, но Хуан чокнутый, никто ему не указ, и чем больше Чарли убеждал его не трогать мальчика, тем сильнее укреплялся Хуан в своем решении сделать это. Зная, какие беды это навлечет на Людей, Чарли в конце концов собрал свой род и ушел подальше на юг, в укромный поселок в Синих горах.

Девочка грустила, когда дед уходил, и очень хотела пойти с ним. Ее отца несколько лет назад убили мексиканцы, а ее мать, Бешад-э, вышла замуж за двоюродного брата Индио Хуана. А тут еще ее сестра вышла замуж за самого Индио Хуана, вот так и получилось, что ей пришлось остаться с его родом. Так уж повелось у Людей.

Они засели на холмах над ранчо Хуэрты и терпеливо ждали, как умеют ждать апачи. За несколько недель они изучили весь распорядок жизни на ранчо: узнали всех его обитателей, узнали, кто, куда и когда уходит и приходит. Они узнали, по каким дням семья отправляется в церковь в деревню и в котором точно часу, знали, что мать Джералдо едет туда в одноколке, а ребенка сажает рядом с собой, а отец при этом обычно скачет рядом, посадив на седло перед собой маленькую дочку. Они узнали, что там, где дорога становится совсем узкой и петляет между скал, мужчина бывает вынужден поотстать, пропуская вперед коляску с женой и сыном. И именно в этом месте Индио Хуан рассчитывал захватить ребенка.

Девочке, небольшой и очень проворной, как раз такой, чтобы поместиться рядом с одноколкой, Индио Хуан поручил повиснуть на поводьях и схватить мальчика, пока сам он перережет женщине горло. Они вдвоем затаились, распластавшись на скале, а остальные с лошадьми ждали дальше на дороге. И, когда коляска оказалась точно под ними, бесшумно упали с неба – ничто, кроме внезапного дуновения воздуха, не предупредило несчастных пассажиров. Когда Мария Хуэрта оторвала взгляд от дороги, ей показалось, что перед ней, заслонив солнце, опустились две гигантские хищные птицы. Ее глаза расширились от ужаса, а Индио схватил ее за волосы, дернул голову назад и полоснул ножом по шее. В ту же минуту девочка легко вскочила на козлы, аккуратно положила свои руки поверх рук, все еще державших поводья, как если бы сама Мария Хуэрта стала соучастницей похищения. Она помнила, как в то утро смотрела на нее мексиканская женщина, как удивление в ее глазах сменилось ужасом, как пыталась что-то крикнуть сыну, но изо рта вылетел только последний вздох, как она подняла слабеющую руку, пытаясь зажать фонтан теплой крови, обрушившийся ей на грудь. За свою коротенькую жизнь девочка видела много насилия и смертей, ее воспитали в убеждении, что мексиканцы – это враги. И все-таки, глядя в глаза умирающей мексиканки, она видела в них только сердечную боль матери, которую отрывают от ребенка.

Тело женщины в нарядном платье беспомощной куклой

вывалилось из коляски, на спину лошади запрыгнул Индио Хуан и перерезал поводья. Девочка сгребла орущего мальчишку, крепко обхватила его и вскочила на лошадь позади Хуана. И они помчались к своим. Позади муж и отец, Фернандо Хуэрта, оглушительно выл от ярости и горя, однако не мог броситься в погоню, потому что в седле перед ним по-прежнему сидела маленькая дочка.

Спала девочка недолго, проснулась освеженной и несколько минут лежала, прислушиваясь. Потом осторожно выглянула наружу, но из ее убежища вершину хребта было не разглядеть. Если двигаться медленно-медленно и осторожно, то скалы скроют ее движение. И, конечно, она услышит старика, если он где-то поблизости; его выдаст хотя бы звяканье собачьей цепи. В отличие от Людей, что веками ходят по этой земле не слышнее, чем дуновение ветерка, и мексиканцы и белоглазые страшно неуклюжи и, передвигаясь, производят много шума.

Девочка выскользнула из пещеры и начала медленно двигаться вдоль арройо, вдоль которого ехал на муле старик белоглазый. Он, верно, ищет ее в скалах или затаился на вершине хребта, чтобы поймать ее, если она решит через него перебраться. Он не ожидает, что она пойдет назад и по его следам поднимется по арройо.

Добравшись до арройо, девочка начала быстро подниматься вверх. Она легко бежала, едва касаясь ногами кам-

ней. Наверху она осторожно выглянула из-за скалы, надеясь разглядеть мула, на котором приехал белоглазый. А вот и он, греется на послеполуденном солнышке, голова опущена, веки полуприкрыты, уши назад, одно переднее копыто приподнято, чтобы дать отдых ноге. Но в ту самую минуту, когда девочка увидела мула, и он обнаружил ее, может быть, почуял запах. Мул поднял голову, наострил уши и открыл глаза. И негромко, тревожно заржал.

Не давая мулу возможности разволноваться еще сильнее, девочка показала ему. Управляться с мулами и осликами она отлично умела: едва научившись ходить, она помогала красть их у мексиканцев, а теперь была одним из лучших конокрадов в отряде. Ступая тихо, но уверенно, как будто имела на это полное право, она пошла прямо к мулу, негромко, успокаивающе разговаривая с ним. Он все еще был насторожен, хотя и немного расслабился, когда неведомая опасность обрела конкретные и узнаваемые очертания – существо, ходящее на двух ногах. Подойдя вплотную, девочка ухватила за уздечку и погладила животное по подбородку, не переставая говорить с ним, хотя и на непонятном мулу языке. Затем она немного приподняла его подбородок, чтобы ноздри мула как следует распробовали ее запах. Мул обнюхал ее, его дыхание приятно согревало голую кожу. Когда животное окончательно поверило в ее мирные намерения, девочка быстро сняла с его передних ног путы, отбросила их в сторону и, ухватившись рукой за лук, одним грациозным движением

взлетела в седло.

Говорили, что кнут Билли Флауэрс был тридцати футов в длину и с мужскую руку толщиной, что, когда он щелкал им, звук напоминал удар грома, глас самого Бога и вселял ужас в сердца как людей, так и животных. Вот и теперь, не успел Иоанн Креститель сделать и двух шагов, как этот звук заставил его замереть на месте. Второй щелчок послышался где-то совсем близко, и это не было обманчивым ощущением, потому что в это же мгновение лассо обвилось вокруг плеча девочки, с огромной силой дернуло ее назад, так что она вылетела из седла. Она рухнула на землю и не успела даже пошевелиться, чтобы вскочить на ноги, как Билли Флауэрс уже взгромоздился на нее верхом с веревкой в руках, чтобы связать.

Но Билли не ожидал от девчонки такой силы и ярости. Она дралась, как дикая кошка, била, кусалась, царапалась, тощие ребра ходили ходуном. Несмотря на возраст, Флауэрс был крепким и жилистым. Ему доводилось бороться с настоящими дикими кошками и даже выходить в рукопашную с гризли, однако в тех случаях у него в запасе имелось ружье, из которого можно было выстрелить, либо нож, чтобы вонзить его в сердце зверя. А вот такого противника он еще не встречал.

Девочка отчаянно отбивалась, зубами и ногтями наносила кровавые раны, однако против старого охотника ей было

не выстоять, и вскоре он уже скрутил ей веревкой руки, а потом обмотал веревку вокруг головы, плотно завязав рот и лишив ее таким образом возможности использовать зубы как оружие. Напоследок он пропустил веревку вдоль ее спины и крепко связал ноги. Девочка, тяжело дыша, лежала на боку, из ее черных глаз исчезло бесстрастное выражение, теперь она смотрела как испуганный пойманный зверь.

– Надеюсь, что ты хотя бы не бешеная, – пробормотал Билли Флауэрс и, отдуваясь, принялся рассматривать свою добычу. Он понимал, как ему повезло, что девочка зубами не добралась до его горла. – Знаешь, у тебя почти получилось, – добавил он со сдержанным уважением. – Еще несколько секунд, и я так и остался бы пешком, лишившись лучшего мула. Тебе не удалось сбежать только потому, что я подумал, что зря оставил здесь Иоанна Крестителя совсем одного. Немало гонялся я в этих местах за зверями, мисси, но не видал ни одного, способного вернуться назад и украсть моего собственного мула. Единственная твоя ошибка – это то, что ты не оказалась здесь минутой раньше.

Билли Флауэрс подобрал свою старую пропотевшую фетровую шляпу, стряхнул с нее ладонью пыль и водрузил на голову.

– А ты, Иоанн, – обратился он к мулу, – с тыдись! Позволить себя оседлать голому ребенку-язычнику! «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против

козней дьявольских»²⁵. Дьявол избирает хитрые пути, и ты едва не столкнулся с ним. Я слышал, язычники скачут на мулах по своим горам, а когда измученный мул падет, они перерезают ему глотку, отрезают куски мяса от ляжек, жарят на костре и пожирают, а потом пляшут над мертвым мулом. Вот какая судьбы ждала тебя, Иоанн, не успеешь ты вовремя. Вот куда едва не вверг тебя Сатана. Прямо в огонь проклятья.

Билли Флауэрс стоял и смотрел на туго связанную лежащую на земле девочку. Он поймал ее, что правда, то правда, но теперь понимал, что кровь его горячила не добыча, а сама охота. И он не представлял себе, что ему теперь с этой добычей делать.

²⁵ Послание к Эфессянам, 6:11.

Записки Неда Джайлса, 1932 год

Блокнот II

Большая экспедиция к апачам

Все мы знаем о существовании в Мексике индекхов. Многие уверены, что они – духи когда-то живших воинов, и поэтому их еще называют «люди-призраки». Те, кто живет в резервациях, их боятся. В прошлом молодые люди иной раз убежали, чтобы присоединиться к ним, но никто о таких смельчаках больше никогда ничего не слышал. А иногда пропадают дети. Они просто исчезают по ночам, и тогда говорят, что их похитили люди-призраки и утащили в старую Мексику. Но сказать, правда это или нет, невозможно, потому что никто и никогда этих людей не видел. Они, как истинные призраки, приходят и уходят незаметно, и все боятся их.

Из интервью Неда Джайлса с Джозефом Вэйлором, апачем из племени чирикауа для «Дуглас Дейли Диспетч»

19 апреля 1932 года

Дуглас, Аризона

Почти две недели я ничего не записывал. Был занят работой и подготовкой к объезду... игра какая-то... много есть о чем рассказать...

Добровольцы для участия в Большой экспедиции к апачам продолжают прибывать в Дуглас. Богатые люди со всей страны приезжают на личных автомобилях или даже в личных железнодорожных вагонах, везя с собой, как Толли Филлипс, по несколько охотничьих лошадей, бамбуковые тросточки, английские двустволки. Иные прилетают на частных самолетах. Успех рекламной кампании экспедиции превзошел самые смелые ожидания, Оргкомитет был даже вынужден развесить по всему городу объявления, что больше добровольцы не принимаются. Так или иначе, но город под завязку набит разнообразными и весьма любопытными представителями человечества: ветеранами Великой войны ²⁶, теми, кто служил под командой генерала Першинга ²⁷ в го-

²⁶ Так называли Первую мировую войну до того, как разразилась Вторая.

²⁷ *Першинг, Джон* (1860–1948) – генерал армии США, командующий американскими экспедиционными силами в годы Первой мировой войны. В 1916 г. возглавил карательную экспедицию в Мексику с целью поимки Панчо Вильи, но

ды Мексиканской революции, всякими авантюристами, ковбоями, конюхами, мошенниками, профессиональными проводниками, поварами, мелкими воришками, проститутками и прочим приграничным сбродом. Появилась даже парочка индейцев-апачей из резервации Мескалерио в Нью-Мексико. Их наняли в качестве проводников для похода в Сьерра-Мадре. Один из них, глубокий старик, хвастается, что служил разведчиком у генерала Джорджа Крука в 1883 году.

На площадке для родео к востоку от города возник Гувервилль²⁸, где размещаются вновь прибывшие. Шеф полиции Гетлин и его люди пребывают в постоянном напряжении, потому что там то и дело что-то случается – то кража, то драка, то рьяный дебош, то ружейная пальба.

Почти каждый день на площадке для родео устраивают матчи поло между мексиканскими солдатами и американцами-волонтерами, после них полковник Каррильо муштрует своих солдат. Почти в каждом матче принимает участие Толли. Он, хотя и не является по-настоящему хорошим игроком, страшно гордится, что одет лучше всех участников. Он красуется в белых кожаных бриджах и сияющих коричневых сапогах, которые каждый день начищает до блеска в гостинице.

не справился с этой задачей.

²⁸ *Гувервилль* – так в 1930-х гг. в США называли поселения из палаток и лачуг, в которых жили те, кто вследствие Великой депрессии потерял крышу над головой. Название происходит от фамилии Г. Гувера, президента-республиканца в 1929–1933 гг.

Что до меня, то все свое время я трачу на то, чтобы научиться снимать «лейкой», которую мне одолжил Уэйд Джексон. Что за дивная небольшая камера – легкая, быстрая, хотя, конечно, той глубины и четкости, к которым я привык с моим 8×10, от нее не добиться. И все-таки для газетной работы она подходит как нельзя лучше, и мои снимки матчей поло и приготовлений к экспедиции регулярно появляются на страницах «Дуглас Дейли Диспетч». Большой Уэйд охотно мне помогает. Правда и то, что он слишком много пьет, но, когда трезвый, он – настоящий профи. Он презирает то, что называется «псевдохудожественной фотографией» и «политически ангажированной фотографией», и учит простоте и строгости, типа «снимай мясо с картошкой». Хотя сам, конечно, снимает гораздо лучше, чем говорит.

– Как вы вообще оказались в Дугласе, Большой Уэйд? – с просил я его как-то вечером, когда мы сидели за пивом в заграничной «Лас Приморозас».

– Я, сынок, всю страну исколесил, – ответил он. – Несколько лет работал в «Нью-Йорк Дейли Ньюс», в «Майами Геральд», в «Финикс Гэзетт»... ну, с перерывами. К «Дуглас Дейли» меня привела длинная и ухабистая наклонная плоскость.

– Не понимаю, – сказал я. – С таким резюме вы для кого угодно снимать можете.

– Мог, – поправил он. – Когда-то мог снимать для кого угодно. А теперь нет, малыш. У меня в нашем деле дерьмо-

вая репутация. – Он взял пустую бутылочку из-под мексиканского пива и посмотрел через нее на свет. – Не мог удержаться от пойла. А потом и пытаться перестал. Вот и оказался здесь, где любой может сходить пешком через границу и получить легальную выпивку. – Джексон махнул рукой, подзывая официанта – *Dos mescales, Miguel, mi amigo, por favor*²⁹. – Когда заказ принесли, он приподнял свой стаканчик и сказал: – Знаешь, сынок, я тебе что-то поучительное скажу. Это – самое полезное, что старый пьяница может сделать для своего молодого товарища-фотографа. Посмотри на меня хорошенько. Совершенно неважно, где ты окажешься через двадцать или тридцать лет и как туда попадешь. Поверь мне на слово. – Он опустил стаканчик. – Самое лучшее в газетке «Дуглас Дейли Диспетч», если не считать ее тупости, это то, что даже такой выжатый старый пьяница, как я, может получить работу.

Я тревожусь за Большого Уэйда и страшно благодарен ему за все, что он для меня делает. К счастью, у него есть хорошенькая подружка-мексиканка по имени Марта, и она о нем заботится. Уж не знаю, что она в нем нашла, но она правда много для него делает, следит, чтобы он попал из бара домой, чтобы выполнил работу, когда она у него есть, чтобы не слишком затягивал сроки.

С помощью Большого Уэйда я также пишу в газету заметки о разных происшествиях в городе, составляю характери-

²⁹ «Два мескаля, Мигель, друг мой, пожалуйста».

стики для некоторых добровольцев. Вернее, я обо всем раз-
знаю и пишу черновик, а Большой Уэйд переписывает на-
чисто. По правде сказать, думаю, он меня немного использо-
ует, я делаю за него его работу. Но я не возражаю.

Как-то на прошлой неделе, когда я сидел в гостинице за
завтраком, к моему столику подошел Спайдер Кинг, офици-
альный руководитель авиационной части экспедиции. Кинг
исполняет показательные полеты – он показывал разные
авиационные трюки на ярмарках и шоу по всей стране, и
Оргкомитет специально пригласил его возглавить «воздуш-
ные силы» экспедиции. Этот бесцеремонный напыщенный
тип обматывается развевающимся белым шарфом, чтобы
все знали: он занимается авиаспортом.

– У меня приказ забрать вас сегодня, Джайлс, – заявил
он. – Я думал лететь с Большом Уэйдом, что он отмотался,
клялся, что все кишки выблюет в самолете. Сказали, чтобы
я вместо него взял вас. И к лучшему, я боялся, что толстяк
превысит лимит по грузу. Мы летим в Мексику. Через час
найдите меня на летном поле. И не забудьте камеру. Я вам
кое-что покажу. Уж эти-то снимки газета точно захочет по-
лучить.

Утро было ясным и безветренным, мы взяли курс на юг
от Дугласа. В самолете я летел впервые, и, должен признаться,
мне было немного не по себе. Но Кинг из тех парней,
что умеют делиться своей природной самоуверенностью с

окружающими. Мы пролетели над равнинами Северной Соноры и вскоре оказались у предгорий Сьерра-Мадре. Вдали виднелись окутанные легкой утренней дымкой уступчатые гребни, уходящие в какую-то бесконечность. Они простирались на юг и на запад сколько хватало глаз. Поросшие соснами массивные пики и зубчатые острые хребты сменялись нагромождением скал каньонов и руслами рек. Эта волшебная земля казалась нехоженой, нетронутой и даже словно бы доисторической. Спайдер усмехнулся и наклонился ко мне:

– Представь себе, что думает Бог, когда смотрит вниз на то, что он тут наделал.

А немного позже Кинг сказал: «Держись», – и самолет неожиданно пошел вниз, а мой желудок не успел за ним и остался висеть в воздухе. Мы нырнули в каньон и, подгоняемые ветром, совершили слаломный спуск к реке. На расстоянии вытянутой руки неслась по стенам каньона тень от нашего самолета, мне казалось, что я легко могу до нее дотянуться.

– Глянь-ка на это, Нед, – сказал Кинг, показывая на череду пещер, соединенных между собой замысловатыми, но созданными руками человека переходами на разной высоте стен каньона, почти как многоквартирный дом. – Это пещерные жилища доколумбовой эпохи. Их создала древняя цивилизация, обитавшая в этих местах тысячу лет назад. Вот сюда-то и направляется экспедиция. Мексиканцы думают, что здесь прячутся апачи. Смотри внимательно, и увидишь в

некоторых пещерах следы недавних костров и кое-что, весьма похожее на кухонную утварь и одеяла. Я сделаю еще один подлет, чтобы мы оказались поближе. – Он взял вверх, перелетел через стену каньона, резко развернулся и снова бросил самолет вниз. Пока он все это проделывал, я внимательно смотрел со своей стороны самолета, и мне показалось, что я что-то заметил, какое-то движение в скалах, а еще через минуту я четко понял: это – человеческое существо. Я покрылся гусиной кожей, сердце ухнуло в пятки, волосы на голове зашевелились. А еще через мгновение фигура скрылась, будто ее и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.